

Д. Е. ОВОЛЕНСКІЙ.

ОПЫТЪ ПРИМИРЕНІЯ
НАУКИ И МЕТАФИЗИКИ.

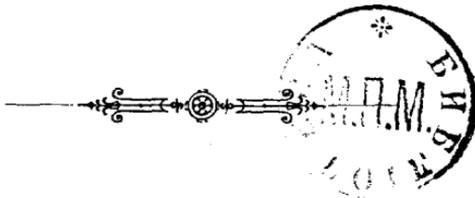
(Основныя начала панфилософіи).

изданіе журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1890.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 3-го Октября 1890 года.

Типо-литографія Мясника и Римана, Бассейная ул., № 48.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Истинное значеніе науки и позитивизма и недостаточность ихъ какъ философіи.

I.

Почти всѣ выдающіеся философы прежняго времени не были сухими, холодными изслѣдователями, для которыхъ важны только вопросы умственнаго интереса, простой любознательности и потребности въ систематическомъ объединеніи явленій. Нѣтъ, большинство прежнихъ философовъ, особенно тѣхъ изъ нихъ, которые создали системы, игравшія роль въ жизни людей, были, въ то же время, натурами глубокими, поэтическими творцами, для которыхъ задачи философіи были вопросами жизни и смерти, надеждъ или отчаянія въ лучшемъ, высшемъ, разумно-нравственномъ состояніи міра и человѣчества. Таковы были и Сократъ, и Платонъ, и Бруно, и Спиноза, и Лейбницъ, и Кантъ и даже Гегель и Фихте. Въ ихъ исканіяхъ чувствуется трепеть сердца, страстный полетъ фантазіи, въ предѣлахъ строго логической мысли, творящей разрѣшеніе для себя и другихъ загадки міра и жизни, опредѣленіе смысла и цѣли жизни и міра. Конечно, различные элементы мысли и творчества, т. е. воображеніе, фантазія, моральныя чувства, наблюдательность, сила, глубина и остроуміе логическаго анализа и синтеза, были у каждаго въ различныхъ пропорціяхъ: у однихъ впередъ выступало одно, у другихъ— другое; но всѣ ихъ системы характерны тѣмъ, что могли служить непосредственно для людей при разрѣшеніи величайшихъ потребностей сердца и высшихъ моральныхъ вопросовъ,

потому что своими системами они старались охватить и міръ опытныхъ явленій, и міръ виѣпытный, дополняя высокимъ полетомъ творческой мысли, подѣ диктовку высшихъ требовацій чувства и совѣсти, то, чего не находили въ опытѣ.

Но съ тѣхъ поръ, какъ Бэконъ поставилъ философіи болѣе ограниченныя цѣли — систематизаціи опытныхъ наукъ, и еще болѣе съ тѣхъ поръ, какъ Эмануилъ Кантъ подвергъ разрушительной критикѣ высочайшія идеи прежней философіи, а Огюстъ Контъ отнесъ эту философію, вмѣстѣ съ теологіей, къ ошибкамъ человѣчества, къ періодамъ мышленія, будто бы похороненнымъ навсегда (теологическому и метафизическому) — съ той поры все больше и шире разрасталась въ жизни совершенно иная философія, исключившая изъ себя всѣ вопросы, выходящіе изъ предѣла опытныхъ и научно-исслѣдуемыхъ явленій. И это произошло не потому, что среди новѣйшихъ мыслителей нѣтъ натуръ съ творческими, поэтическими стремленіями. Нѣтъ, это произошло отъ превзятаго убѣжденія, отъ своего рода вѣры, что мысль и знаніе не могутъ выйти изъ предѣловъ опытныхъ явленій, не ставши безплодной метафизикой. Вѣра — великая сила. Вѣра въ возможность проникновенія въ область сверхъ — опытную давала образцы геніальнаго творчества въ области идей и идеаловъ, которые, въ свою очередь, безпредѣльно возвышали человѣческую душу и сердце надъ міромъ пошлости, житейской сутолоки и мелкихъ эгоистическихъ заботъ, подымая человѣка до высшаго геройства и самоотреченія. Наоборотъ, новая вѣра въ невозможность выйти изъ предѣловъ опытныхъ явленій убила всякую смѣлость фантазіи, творчества, приковала умъ къ безконечному хаосу мелкихъ фактовъ, наблюденій, она даже искусство обратила въ писаніе однихъ только протоколовъ и въ исканіе однихъ только «человѣческихъ документовъ». Она обезплодила человѣчество, въ смыслѣ идеаловъ и творчества, но, конечно, не навсегда: конечно, позитивизмъ — не есть послѣдняя стадія мысли человѣчества, какъ думалъ О. Контъ: допустить это нельзя уже по тому одному, что, вмѣстѣ съ этимъ, пришлось бы признать, что съ системой О. Конта закончился прогрессъ человѣческой мысли и философіи. Такимъ образомъ, остается только другое возможное заключеніе, что прогрессъ мысли будетъ продолжаться, и что позитивизмъ и матеріализмъ суть только одна изъ стадій въ развитіи мысли. И этотъ выводъ уже начинаетъ подтверждаться фактами: чело-

вѣчество, временно успокоившееся было на позитивизмъ и матеріализмъ, заявляетъ новыя требованія.

Въ чемъ же состояла ошибка матеріализма и позитивизма вообще? Указавъ эту ошибку, мы вѣроятно въ состояніи будемъ намѣтить въ общихъ чертахъ грядущую новую стадию философіи.

Реалистическая (научная) и позитивная философія имѣла и будетъ имѣть огромное и важное значеніе для наукъ и и ихъ объединенія въ одно цѣлое, въ одно понятіе науки. Она составляла неизбѣжное дополненіе науки и создалась потребностью и развитіемъ ея, разбросавшимъ поле изслѣдованія на массы отдѣльныхъ отраслей, постепенно оторвавшихся другъ отъ друга и потерявшихъ всякое единство и связь. О. Контъ, въ своей системѣ наукъ, возстановилъ эту связь, создалъ возможность единства цѣлей въ отдѣльныхъ наукахъ, разрозненную толпу научныхъ работниковъ онъ слилъ въ стройную армию единой науки, ставящей своею послѣднею цѣлью познаніе общественныхъ явленій, социологию въ широчайшемъ смыслѣ этого слова. И это не все: онъ указалъ наукѣ ея точное мѣсто, т. е. область опытныхъ явленій, изученіе законовъ только такихъ опытныхъ явленій, при чемъ «законъ» въ научномъ смыслѣ не есть изученіе какихъ-то вѣлній и предписаній природы (таковыя отрицаются позитивизмомъ), а законъ въ смыслѣ позитивномъ и научномъ есть лишь постоянство связи явленій другъ съ другомъ, т. е. изученіе того, какія явленія постоянно или наиболѣе постоянно идутъ вмѣстѣ или другъ за другомъ (связь послѣдовательности и сосуществованія). Это имѣло громадное значеніе для успѣховъ опытной науки: она, какъ выразился справедливо Рибо, оторвалась, какъ новорожденный ребенокъ, отъ своего дѣтскаго мѣста, т. е. прежде философіи, гдѣ смѣшивались вопросы опытные, вопросы о явленіяхъ, съ вопросами внѣопытными, или сверхъопытными, и оставила за собою только первые, чѣмъ и освободила себя отъ тяжелаго балласта метафизическихъ задачъ. Оставивъ себѣ область познаваемого, она скорыми шагами пошла впередъ, совершивъ въ какихъ-нибудь 50 лѣтъ успѣхи, какихъ не могла достигнуть въ теченіе тысячелѣтій. Она теперь начинаетъ изслѣдованіе съ извѣстнаго, съ простыхъ фактовъ, не задаваясь ихъ сверхъопытной сущностью, и поэтому въ ея области могутъ работать самые обыкновенные труженики, простые каменщики,

т. е. число ея рабочихъ возрасло до миллионовъ, тогда какъ, прежде любой вопросъ о сущности любого явленія былъ не по силамъ даже гениальнымъ умамъ, вызывая всѣ силы ихъ творчества, почему и число ея работниковъ было ничтожно. Но этотъ-то успѣхъ науки породилъ ошибочную вѣру человечества въ то, что позитивизмъ и наука есть послѣдняя стадія философіи, которая должна замѣнить всякую другую философію, всякій иной методъ мышленія и познанія, т. е. должна отвѣтить человѣку на всѣ вопросы,—что для философіи вообще и не нужно ничего другого, кромѣ объединенія, систематизаціи знанія и научнаго опытнаго изслѣдованія. Это ошибка вотъ почему: наука не охватываетъ и не можетъ охватить всего существующаго; вѣрнѣе сказать она сознательно и, какъ мы видѣли, вполне резонно и плодотворно отмежевала себѣ одну область міра—область явленій, доступныхъ опыту органовъ чувствъ и утонченныхъ научныхъ орудій изслѣдованія, (въ число которыхъ входитъ и математика ¹⁾), оперирующая съ отвлеченіями отъ явленій же, т. е. съ пространствомъ, формой, числомъ и т. д.). Такимъ образомъ, наука, а стало быть и всякая научная философія, опирающаяся только на нее (а стало быть и материализмъ, и позитивизмъ), не могутъ выступить за предѣлы явленій; потому, что они сами отказались отъ этого сознательно, и самый методъ науки, т. е. отысканіе только законовъ связи явленій, не можетъ позволить имъ выступить изъ этой сферы, не измѣняя себѣ.

А между тѣмъ, они продолжаютъ думать, что могутъ стать всей философіей, т. е. дать отвѣтъ отъ лица всего міра, когда говорятъ отъ лица только крохотной части міра (отбросивъ остальную)—это все равно, что думать, будто подаешь жаждущему воду, когда даешь ему только одну составную часть воды, кислородъ или водородъ.

Но дѣйствительно-ли въ мірѣ есть что-нибудь другое, кромѣ

---

¹⁾ Противъ этого нисколько не говоритъ тотъ фактъ, что въ математикѣ мы находимъ понятія, какъ будто не имѣющіяся въ опытѣ, напр., пространство четвертаго измѣренія и какихъ угодно измѣреній (*n*—измѣреній), тогда какъ въ опытѣ мы имѣемъ только 3 измѣренія. Въ основу этого понятія математика кладетъ только отвлеченіе отъ опыта, расширяя его формально, но не по существу.

явленій, которыя мы постигаемъ опытомъ нашихъ чувствъ и научными орудіями?

Правы-ли были Спансеръ, Кантъ, Шопенгауэръ и др., допускавшіе непознаваемое и сверхчувственное? Чтобы на этотъ вопросъ отвѣтить точно, я поставлю его на почву самой науки и, въ частности, физиологіи.

Физиологія говоритъ намъ, что до нашего мозга не достигають и не можетъ достигнуть ни единое явленіе внѣшняго міра, кромѣ нервныхъ токовъ. Нашъ мозгъ отдѣленъ отъ внѣшняго міра черепомъ, нервами и другими тканями головы. Чтобы какое-нибудь внѣшнее явленіе могло возбудить мозгъ, оно должно возбудить сперва какой-либо изъ органовъ чувствъ или аппаратовъ, имѣющихся на концахъ нашихъ нервовъ. Это возбужденіе производитъ нервный токъ, передающійся мозгу; въ мозгу этотъ токъ продолжаетъ идти, какъ полагаютъ, до сѣраго коркового вещества мозга, гдѣ эти токи и превращаются въ ощущенія, изъ которыхъ мы строимъ извѣстный намъ міръ. Вдумайтесь побольше въ этотъ фактъ и вы поймете, что по этому мы ничего не знаемъ о внѣшнемъ мірѣ, кромѣ нашихъ-же нервныхъ и мозговыхъ токовъ: то, что мы называемъ міромъ, есть уже переработка этихъ токовъ нашимъ же мозгомъ въ различные образы, звуковые, цвѣтные, твердые, мягкіе, круглые, острые, длинные и т. д., и т. д.

Но, можетъ быть, нашъ мозгъ такъ хорошо устроенъ, что тотъ міръ, который онъ возсоздаетъ изъ токовъ, вполне соответствуетъ внѣшнему міру? Обратимся опять къ наукѣ,—она говоритъ: нѣтъ. Физика утверждаетъ, что во внѣшнемъ мірѣ нѣтъ звуковъ, а существуютъ только vibraціи или волны воздуха, и что эти волны, сотрясая нашу барабанную перепонку и рядъ другихъ механизмовъ уха, даютъ въ слуховомъ нервѣ токъ, который мы уже въ мозгу переводимъ въ ощущеніе звука. То же и о свѣтѣ: свѣта нѣтъ внѣ насъ, говоритъ физика: то, что намъ кажется свѣтомъ—суть vibraціи эфира или эфирныхъ атомовъ; проходя черезъ прозрачныя ткани (средины) нашего глаза, эти атомныя vibraціи достигаютъ сѣтчатой оболочки глаза, возбуждаютъ палочки и колбочки, сидящія въ ней на развѣтвленіяхъ зрительнаго нерва, затѣмъ происходитъ нервный токъ, и только въ мозгу образуется изъ него ощущеніе свѣта. То же и съ запахами: когда вы слышите запахъ розы, это—обманъ: роза выдѣляетъ ча-

стички матеріи, которыя раздражаютъ слизистую оболочку носа. Это порождаетъ токъ въ нервѣ, а этотъ токъ передѣлывается мозгомъ въ ощущение запаха. Тоже и со всѣми другими ощущеніями—тяжести, твердости, мягкости, холода, жара и т. д., и т. д. Все это внѣшнія колебанія атомовъ, или частицъ веществъ (напр., теплота и холодъ суть только сильнѣйшія или слабѣйшія колебанія частицъ), затѣмъ соотвѣтственные токи нервовъ.

Итакъ, сама наука создаетъ за міромъ, который мы знаемъ непосредственно (назовемъ его первичнымъ, или міромъ непосредственнаго представленія), еще міръ вторичный, міръ научнаго представленія, міръ безъ звуковъ, безъ цвѣтовъ, безъ свѣта, запаха, съ одними только атомами и молекулами, находящимися въ безпрестанныхъ вихряхъ и движеніяхъ. Даже самая жизнь есть только наше же ощущение и представленіе отъ извѣстнаго сорта движеній и вибрацій атомовъ нашего тѣла, мозга, нервовъ. Можно сказать, не играя словами, что жизни объективно не существуетъ, она есть только наше сознаніе атомныхъ и молекулярныхъ процессовъ нашего тѣла. Вѣдь, и мы сами—только куча вибрирующихъ атомовъ, а вся наша жизнь, мысль, чувства, суть только сложные вибраціи этихъ кучъ атомовъ.

Напрягите свое воображеніе и представьте себѣ этотъ научный или вторичный міръ: все, что мы знаемъ въ небѣ—звѣзды, солнце, планеты — все это огромныя кучи атомовъ, вибрирующія среди безпросвѣтной беззвучной тьмы (свѣта и звуковъ нѣтъ объективно: они только явленія нашего сознанія). Между этими кучами существуетъ не свѣтъ, а болѣе разбѣженные и утонченные атомы эфира, которые несутъ въ стройной пляскѣ тѣ вибраціи, которыя мы въ своемъ сознаніи переводимъ въ ощущенія свѣта и теплоты. Далѣе: вотъ огромная куча атомовъ, это—наша земля, со всѣмъ, что на ней, съ деревьями, людьми, домами, животными. Все это—атомы, атомы и ихъ пляска. На этой огромной кучѣ мчатся меньшія кучки, въ постоянномъ вихрѣ стройныхъ движеній: эти кучки атомовъ—люди, т. е. вы, я, ваша мать, жена, ребенокъ... Все это лишь кучки или вихри атомовъ, на одной огромной кучѣ атомовъ, землѣ. А тотъ міръ на землѣ, тѣ люди какими вы ихъ знали и любили, какими они вамъ представлялись, только кажутся и представляются тѣмъ крохотнымъ кучкамъ атомовъ, которыя мы называемъ своими го-

ловами. Какъ ни странно такое представленіе о мірѣ, оно есть строгій, точный выводъ изъ современныхъ данныхъ и признанныхъ гипотезъ физики, химіи, физиологіи.

Итакъ, не есть-ли этотъ вторичный міръ, міръ, созданный научными изслѣдованіями и мышленіемъ, тотъ самый міръ, какъ онъ есть самъ по себѣ, «вещь въ себѣ», о которой говорили Канты и Шопенгауэры? Нѣкоторые наивные представители матеріалистическаго міровоззрѣнія такъ и думаютъ. Но болѣе глубокіе ученые понимаютъ, что и этотъ вторичный міръ есть только наше представленіе о мірѣ, — какъ и первичный міръ. Разница только въ томъ что, первичный міръ есть представленіе, созданное нашимъ сознаниемъ прямо изъ впечатлѣній органовъ чувствъ, а вторичный міръ есть болѣе сложное утонченное представленіе, созданное изъ этихъ первичныхъ, представленій работой нашей мысли. И атомы, и ихъ движенія и ихъ силы суть только наши же представленія, наши объясненія. Правда, они подтверждаются опытомъ, но что такое опытъ человѣка? Это опять тѣ же нервныя токи, дошедшіе до сознанія и тамъ переработанные въ образы, но теперь уже въ образы атомовъ, вибрацій, вихрей и т. д., и т. д. И вотъ, въ концѣ концовъ сама наука приводитъ еще къ третьему или третичному міру, котораго человѣкъ не знаетъ и узнать не можетъ, каковъ онъ есть, но знаетъ твердо одно, что онъ есть, какъ рыба знаетъ, что за предѣлами ея воды есть что-то, во что она толкается головой, но чего никогда узнать не можетъ (сравненіе Альберта Ланге въ «Исторіи матеріализма»). И этотъ-то міръ, который существуетъ помимо моихъ чувствъ, и помимо моего научнаго мышленія, помимо моихъ научныхъ опытовъ, этотъ-то третичный міръ и есть міръ, какъ онъ есть самъ въ себѣ (вещь въ себѣ, Ding an sich). Этотъ-то непознаваемый міръ является и представляется мнѣ не самъ въ себѣ, а въ видѣ двухъ міровъ: въ первичномъ видѣ моего непосредственнаго представленія, и во вторичномъ видѣ моего научнаго представленія. Но и міръ непосредственнаго представленія, и міръ научнаго представленія одинаково не существуютъ нигдѣ, кромѣ моего же сознанія: они оба — мои представленія или тѣ образы, въ которые мое сознаніе превратило мои же нервныя токи, доходящіе до моего мозга и происходящіе въ моемъ мозгу. Таковъ послѣдній выводъ изъ точной науки о мірѣ. Онъ приводитъ къ тому же, къ чему пришла и умозрительная философія прежнихъ временъ, т. е.

къ существованію, за міромъ нашихъ чувствъ, міра недоступнаго чувствамъ и опытной мысли, міра сверхчувственного или міра въ себѣ.

Послѣдній выводъ, который можно сдѣлать изъ этого повторяетъ только выводъ предыдущій: наука не даетъ никакого понятія о цѣльномъ фактѣ жизни; она изучаетъ только одинъ его элементъ, кажущійся, представляющійся, и дальше идти не можетъ и не должна думать, что охватываетъ весь фактъ. Стало быть, міръ научнаго представленія и въ этомъ случаѣ никоимъ образомъ не долженъ претендовать на то, чтобы стать философіей дѣйствительности, или всестороннимъ объясненіемъ дѣйствительности. Онъ нуженъ только для науки и ея изслѣдованій, какъ одинъ изъ ея методовъ, и въ этомъ отношеніи играетъ полезную роль. Но едва онъ выходитъ изъ этой роли, онъ совершаетъ непоправимую ошибку, бессознательно утверждая, что часть равна цѣлому, что представленіе части равно представленію цѣлаго. Однимъ словомъ, научная реалистическая философія нужна только для ученой лабораторіи, но едва она вступаетъ въ жизнь, она является безпредѣльной ошибкой и абсурдомъ. Въ силу-то этой ошибки «цѣлая жизнь» является и должна являться для матеріалиста и позитивиста безмысленной, безцѣльной. Повторимъ еще разъ: ошибка научной философіи не въ томъ, что она строитъ свое міровоззрѣніе изъ однихъ научныхъ фактовъ, а въ томъ, что она думаетъ, будто бы это міровоззрѣніе можетъ служить непосредственно жизни, а не одной только наукѣ, для ея дальнѣйшихъ работъ.

Еще поразительнѣе тотъ же выводъ частичности науки выступаетъ въ современномъ ученіи о космосѣ: наука, несмотря на свои могущественнѣйшіе телескопы, знаетъ только ближайшія къ намъ звѣзды, отъ которыхъ свѣтъ доходитъ до насъ въ теченіе тысячелѣтій. То огромное пространство, какое занимаютъ эти звѣзды со включеніемъ млечнаго пути, составляетъ въ сущности лишь ничтожный атомъ во вселенной, даже менѣе атома, потому что вселенная безконечна, а поэтому передъ нею всякая конечная величина, какой бы огромной она ни казалась намъ, является безконечно малой величиной. Имѣемъ ли мы право для цѣлей жизни (этика) дѣлать какой-либо выводъ отъ безконечно малой къ безконечно большой величинѣ? Т. е., имѣемъ ли мы право думать, что вся вселенная

охватывается тѣми же законами, какіе мы замѣтили въ ея безконечно малой части?

И это не все: періодъ наблюденій надъ міромъ доступнымъ нашей наукѣ и даже періодъ всего историческаго человѣчества охватываетъ всего нѣсколько тысячелѣтій. Но даже миллионы тысячелѣтій являются безконечно малой величиной сравнительно съ безконечностью времени въ прошедшемъ и будущемъ. Имѣемъ ли мы, стало быть, право говорить о томъ, что наши знанія о безконечно маломъ мгновеньи могутъ быть вѣрны относительно безконечно большого времени! Не есть-ли это такая же наивность, какъ мысль, что, узнавъ свой письменный столъ и нѣсколько мгновений проведенныхъ за нимъ, я узналъ весь земной шаръ и всю исторію человѣчества и земли? Но отношеніе моего стола къ цѣлой солнечной системѣ, а нѣсколькихъ мгновений, проведенныхъ за нимъ, къ исторіи всей земли все-же безконечно больше, чѣмъ отношеніе всей земной жизни и всего звѣзднаго міра къ безконечному пространству и времени. Въ самомъ дѣлѣ: отношеніе моего стола къ земному шару есть во всякомъ случаѣ опредѣленная конечная величина, какъ и отношеніе нѣсколькихъ минутъ моей жизни ко всей геологической жизни земного шара. Между тѣмъ, отношеніе какой угодно большой величины къ безконечности всегда безконечно мало.

Далѣе, намъ говорятъ о неизбѣжномъ переходѣ всѣхъ міровыхъ силъ въ теплоту, а затѣмъ о неизбѣжномъ разлитіи и равновѣсіи теплоты во всей вселенной, чѣмъ и окончится всякая жизнь и всякое движеніе. Но достаточно вспомнить, что вселенная безконечна (по крайней мѣрѣ, мы иначе ее мыслить не можемъ), и тотчасъ выступаетъ относительность этой истины. Въ самомъ дѣлѣ, если вселенная безконечна, то и всякое разлитіе въ ней чего бы то ни было будетъ совершаться безъ конца, ибо всегда будутъ оставаться новыя пространства, гдѣ равновѣсіе не успѣло установиться. Слѣдовательно, равновѣсіе никогда не можетъ быть.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы представимъ себѣ пространство оконченнымъ, мы должны предположить опять что-нибудь, и это что-нибудь опять будетъ пространство, потому что мы не можемъ ничего мыслить безъ пространства. Можно или совсѣмъ отрицать объективность пространства и думать, какъ Кантъ, что оно только форма нашего представленія или сознанія, а внѣ сознанія или представленія его нѣтъ. Или, если мы до-

пустили реальность пространства, то мыслить его иначе, какъ безконечнымъ, мы не можемъ.

Если бы наука допустила, что пространство только наше представленіе, то и самая теорія равновѣсія теплоты въ пространствахъ была бы фикціей.

И вотъ вамъ новый примѣръ того, что понятія и представленія научнаго міросозерцанія законны только въ предѣлахъ научныхъ построений, но не въ цѣлой сложной дѣйствительности. Міръ науки не есть цѣлый міръ, а есть лишь ничтожный уголокъ, ничтожная абстракція міра и не только въ томъ смыслѣ, что наука имѣетъ дѣло съ явлениями (а не сущностями), но и въ томъ смыслѣ, что даже въ области явленій, подлежащихъ опыту, она имѣетъ дѣло съ безконечно-малой величиной мірового пространства и времени.

Мнѣ на это справедливо могутъ возразить, что я напрасно приписываю позитивистамъ то, что всецѣло относится къ матеріалистамъ: не позитивизмъ-ли упрекалъ постоянно матеріалистовъ въ томъ, что матеріализмъ «объясняетъ нѣкоторые явленія, совершающіяся по частнымъ законамъ, при помощи такихъ законовъ, которые служатъ объединенію законовъ болѣе общаго порядка, что является нѣкоторымъ проведеніемъ въ болѣе сложную науку идей, принадлежащихъ менѣе сложной наукѣ».

Но не грѣшитъ-ли самъ позитивизмъ какъ разъ противъ этого самого правила, когда считаетъ себя не только философіей науки, но и философіей вообще, способной замѣнить всякую иную философію? Не самъ ли онъ, въ этомъ случаѣ, предлагаетъ законы «болѣе простаго» для объясненія «болѣе сложнаго»? Правда, Литре въ своей работѣ «Auguste Comte et Stuart Mill» говоритъ: «не слѣдуетъ считать, что позитивная философія, обсуждая только вторичныя причины (causes secondes), оставляетъ свободу думать что угодно о первыхъ причинахъ. Нѣтъ, она не допускаетъ тутъ никакой свободы; ея опредѣленіе точно, категорично и раздѣляетъ ее радикально отъ философій теологической и метафизической; она объявляетъ первыя причины неизвѣстными (inconnues). Объявлять-же ихъ неизвѣстными, это значить ни утверждать ихъ, ни отрицать... Замѣтимъ хорошенько, что отсутствіе отрицанія и отсутствіе утвержденія нераздѣльны».

Итакъ, самые глубокіе вопросы остаются безъ всякаго отвѣта, т. е. или на произволь личныя соображеній, или на

добычу постоянныхъ сомнѣній. Но повторяемъ, тутъ же рядомъ — позитивизмъ увѣренъ, что онъ — вся философія, что онъ замѣнитъ и теологію и метафизику. (См. Cours de Philosophie Positive par Auguste Comte, изд. 1877 г., стр. 10 и слѣд.). Претензіи чистаго матеріализма замѣнитъ всю философію, въ этомъ случаѣ даже послѣдовательнѣе, ибо онъ не обходитъ вопроса о конечныхъ причинахъ, а прямо ихъ отрицаетъ. (См. объ этомъ у одного изъ послѣднихъ и самыхъ талантливыхъ выразителей матеріализма во Франціи, Андре Лефевра, въ его «La Philosophie» и др. «Когда послѣдняя изъ сущностей,—говоритъ онъ,—распадается въ прахъ, когда наука повсюду замѣститъ вѣру...» и т. д. Мы могли бы выписать и болѣе сильныя мѣста, но и это достаточно характеристично).

Но зато у позитивистовъ есть одно обѣщаніе, которое съ перваго взгляда можетъ казаться основательно подрывающимъ наши аргументы. Въ своей социологіи, они надѣются объединить всѣ данныя и законы общественной жизни человѣчества, куда входитъ и человѣческое творчество, а также области, разработанныя теологіей и метафизикой. И отчасти это обѣщаніе сбывается въ томъ смыслѣ, что въ Европѣ возникла уже наука о религіяхъ и есть даже кафедры этой науки. Въ этихъ изслѣдованіяхъ, религіи разсматриваются какъ всякій другой фактъ и изслѣдуются по научному плану съ цѣлью открыть законы ихъ возникновенія и развитія. Но наука, даже при самомъ успѣшномъ ходѣ изслѣдованія, можетъ дать только знаніе того, что есть и было, но человѣкъ живетъ не однимъ знаніемъ, а идеалами, стремленіями и творчествомъ дальнѣйшаго развитія. Гдѣ же у позитивизма руководящая нить, могущая направить это дальнѣйшее творчество? Гдѣ мѣсто для тѣхъ внутреннихъ откровеній и вдохновеній, которыя поведутъ человѣчество къ дальнѣйшимъ идеаламъ высшаго блага и совершенства? Въ самомъ дѣлѣ, позитивизмъ думаетъ, что онъ послѣдняя станція человѣческаго прогресса и въ то же время его могильный памятникъ.

Но, скажутъ намъ, быть можетъ, дѣйствительно, никакіе иные методы, кромѣ научнаго познанія, невозможны или, по меньшей мѣрѣ, всѣ они бесплодны. Тогда, что-же и спорить противъ невозможности; лучше мрачная истина, чѣмъ бесплодная иллюзія.

Въ слѣдующихъ главахъ мы покажемъ, что въ этомъ утверж

деній лежитъ корень ошибки, и что другой методъ возможенъ и законенъ. Мы постараемся рядомъ съ этимъ указать ту высокую критическую роль, какую наука и научная философія должны будутъ плодотворно взять на себя въ области умозрительнаго метода, но не смѣшивая съ нимъ однако своихъ методовъ, какъ назначенныхъ для другой цѣли. Въ этомъ объединеніи умозрительнаго метода и научныхъ критеріевъ мы и видимъ основу слѣдующихъ стадій человѣческой мысли.

I.

Что такое Панфилософія? Ея отличие отъ Метафизики съ одной стороны, и отъ Науки съ другой.

Прежде чѣмъ приступлю къ изложенію моихъ мыслей объ истинной философіи, всецѣло охватывающей факты міра и жизни, какъ единого цѣлаго, я назову такую философію для краткости «панфилософіей», избѣгая термина «синтетическая философія», такъ какъ этимъ терминомъ Спенсеръ уже назвалъ свою систему, далеко не удовлетворяющую моему идеалу истинной философіи. Слово «панфилософія» употребляется мною именно для выраженія той основной идеи, что истинная философія должна охватывать собою не только явленія, но и ихъ сущность или «вещь въ себѣ»,—и познаваемое, и такъ называемое «непознаваемое». Препрежее слово «метафизика» совершенно не соотвѣтствуетъ понятію, которое мы вкладываемъ въ «панфилософію». Слово «метафизика» было употреблено собирателями сочиненій Аристотеля и имъ были названы его произведенія, помѣщенные «за-физикой». Затѣмъ слово «метафизика» стало употребляться для обозначенія собственно умозрительной философіи, стремящейся проникнуть «за физическія» явленія. Такимъ образомъ, «метафизика» является столь же односторонней, какъ и позитивизмъ или научная философія съ тою разницею, что метафизика даетъ вѣру исключительно только «за-физическому», а позитивизмъ только физическому. Между тѣмъ «Панфилософія», или «Всефилософія», должна охватывать и область научную, физическую, т. е. область явленій, и область не физическую, т. е. «сущность», или «вещь въ себѣ»,—въ одномъ стройномъ неразрывно цѣломъ синтезѣ.

1) Міръ состоитъ изъ явленій и ихъ сущностей, проявляющихся для насъ въ явленіяхъ, или, говоря иными термини-

нами, изъ явленій и «вещи въ себѣ», скрывающейся отъ нашихъ чувствъ за явленіями. То, что скрывается за явленіями, будемъ называть пока сущностью, или «вещью въ себѣ», до тѣхъ поръ, пока въ своемъ мѣстѣ не опредѣлимъ этихъ понятій точнѣе. Спенсеръ употреблялъ для обозначенія подобнаго понятія терминъ «непознаваемое». Временно мы будемъ употреблять при случаѣ и его, предупреждая, что сущность или «вещь въ себѣ», мы считаемъ непознаваемой лишь относительно, (напр. методомъ, приспособленнымъ для познанія явленій, т. е. методомъ науки). Понятно, что если бы «вещь въ себѣ», или сущность явленій, была непознаваема абсолютно, не могло бы быть и «панфилософіи», охватывающей и явленія, и ихъ сущности.

2) Научная философія и всякая философія, строящаяся только методомъ науки, т. е. имѣющая дѣло только съ явленіями и ихъ законами въ смыслѣ научномъ (см. въ первой статьѣ о томъ, что такое научный законъ), не можетъ составлять всей философіи или философіи цѣлаго міра и жизни, такъ какъ она имѣетъ дѣло только съ проявленіями для насъ сущности міра, но устраняетъ и исключаетъ изслѣдованіе о самой сущности, или «вещи въ себѣ». Всѣ философіи этого типа должны называться «философіями явленій», или «философіей являющагося» (феноменальной философіей). Сюда относится особенно позитивизмъ, матеріализмъ и также послѣдняя форма ихъ, — теперешній нѣмецкій «критицизмъ»¹⁾.

3) Истинная философія жизни и міра въ ихъ цѣльности (панфилософія) должна совмѣщать въ себѣ въ стройномъ, неразрывномъ синтезѣ науку съ ея научной философіей, (т. е. философію являющагося, или феноменальную философію,) съ философіей сущности, или «вещи въ себѣ», т. е. съ «ноуменальной философіей». Этотъ синтезъ феномена съ ноуменомъ,

---

¹⁾ Чтобы не быть голословными относительно новѣйшей нѣмецкой, такъ называемой критической философіи, упомянемъ вкратцѣ о нѣкоторыхъ ея основныхъ идеяхъ, выраженныхъ Махомъ, Фольцомъ, Авенариусомъ, Петцольдомъ и др. Желающихъ ознакомиться съ нею ближе отсылаемъ къ журналу «Wierteljarsschrift für Wissenschaftliche Philos.» и къ статьямъ г. В. Лессевича въ «Русской Мысли». Авенариусъ, имѣющій своихъ предшественниковъ въ лицѣ Фольца и Маха, считаетъ философію нераздѣльной отъ науки, или «мышленіемъ направленнымъ на единство предмета». Слово «единство» тутъ слѣдуетъ понимать

т. е. явленія съ сущностью, или «вещью въ себѣ», долженъ быть найденъ въ панфилософіи, и онъ возможенъ при помощи самой науки, и подъ строгимъ контролемъ критики нашего познанія. Такимъ образомъ, панфилософія должна быть синтезомъ: метода научнаго, метода умозрительнаго и метода критическаго. Она есть полное органическое слитіе критической философіи (въ духѣ Канта), научной философіи, въ духѣ

не въ смыслѣ полного единства «явленія» и «вещи въ себѣ», а только въ смыслѣ единства того, что дознано наукой, такъ что, «по существу, между философіей и наукой можно установить только условное или даже произвольное различіе». На практикѣ Авенаріусъ нѣсколько отступаетъ отъ этого крайняго отождествленія науки и философіи, а въ полной послѣдовательности эту идею выражаетъ Петцольдъ, считающій философію только показательницей высоты и шири научнаго обобщенія. Это — тотъ же позитивизмъ, но только подъ новымъ соусомъ. Неудивительно поэтому, что высочайшее обобщеніе, къ какому успѣла придти эта философія, въ лицѣ Петцольда, есть законъ «перехода неустойчиваго въ устойчивое», который де проявляется во всемъ мірѣ, не исключая социальнаго, не исключая самой науки и философіи. Всякій прогрессъ есть лишь стремленіе отъ неустойчиваго состоянія перейти къ устойчивому. Какъ-бы ни было объективно вѣрно это обобщеніе, оно, подобно знаменитому Спенсеровскому закону о томъ, что сущность прогресса есть дифференцированіе, не имѣетъ никакого практическаго субъективнаго значенія, кромѣ чисто отрицательнаго. Въ самомъ дѣлѣ, если всякій прогрессъ есть только борьба за устойчивое, есть только стремленіе перейти отъ менѣе устойчиваго къ болѣе устойчивому, то какой жизненный, практическій или этическій выводъ слѣдуетъ изъ этого обобщенія, напоминающаго отчасти обобщеніе Дельбёфа о переходѣ свободной энергіи въ связанную? — Выводъ получается тотъ-же, какой даетъ и механическая теорія теплоты, т. е., что результатъ всего міроваго процесса есть состояніе совершеннаго равновѣсія энергіи, превратившейся въ теплоту и равномерно разлившейся во вселенной, т. е. цѣлью міра, идеаломъ прогресса должно признать состояніе абсолютной устойчивости или равновѣсія, т. е. смерть. Но отсюда практическій выводъ навязывается самъ собою: не стоитъ и хлопотать ни о какомъ прогрессѣ, ни о какомъ даже знаніи, ибо во 1-хъ и безъ того міръ придетъ самъ собою къ состоянію абсолютной устойчивости, а во 2-хъ, если бы онъ и не въ силахъ былъ сдѣлать этого безъ нашей помощи, то неужели чѣмъ либо стоитъ жертвовать для такого идеала — какъ смерть и абсолютное уничтоженіе. Не лучше ли сразу покончить свое земное странствіе? Мы уже сказали въ 1-й статьѣ, что таковъ всегда долженъ быть выводъ всякой научной философіи, ибо она знаніе одного элемента міра (области явленій) распространяетъ на цѣлый міръ и потому, понятно, всегда должна придти къ выводу о бессмыслицѣ жизни и міра.

позитивизма, и умозрительной философіи, идущей методомъ внутренняго опыта и самосозерцанія.

4) Нужно ли повторять, что наука и научная философія этимъ не только не подрываются, но еще прочнѣе укрѣпляются на своемъ истинномъ мѣстѣ и въ своемъ истинномъ значеніи. Научная философія, какъ уже было пояснено въ первой статьѣ, имѣла и будетъ имѣть безгранично важное значеніе для развитія науки, и насколько наука нужна для жизни, научная философія косвенно будетъ служить жизни. Но только косвенно: ошибка заключается въ томъ, что многіе считаютъ ее всей философіей и заставляютъ служить прямо и непосредственно жизни, въ рѣшеніи вопросовъ жизни, вопросовъ о цѣломъ мірѣ и вопросовъ этическихъ. Мы уже привели въ 1-й статьѣ одно сравненіе, которое повторимъ теперь: научная философія, являясь только познаніемъ одного элемента міра (являющагося), не можетъ удовлетворить жизненной и духовной жажды человѣчества, какъ не можетъ одинъ какой-нибудь элементъ воды (кислородъ или водородъ) удовлетворить физиологической жажды человѣка. Міръ человѣка, міръ жизни есть фактъ болѣе сложный, чѣмъ одинъ элементъ этого факта, т. е. являющійся, феноменальный міръ. Человѣкъ не можетъ создать себѣ опредѣленнаго и точнаго понятія о цѣли и смыслѣ жизни, и слѣдовательно не можетъ обосновывать и настоящей этики не зная своего отношенія къ цѣлому міру. Между тѣмъ наука, давая ему знаніе только одного элемента міра, никогда не можетъ дать ему ничего, кромѣ знанія его отношенія къ этому элементу, или феноменальной, являющейся части міра. Но такъ какъ отношенія къ части или элементу не есть отношеніе къ цѣлому, то научная философія никогда не можетъ отвѣтить на самый главный вопросъ жизни и этики: о смыслѣ и цѣли жизни человѣка въ цѣломъ мірѣ. А потому попытка научной философіи, говорить за весь міръ, имѣя дѣло только съ однимъ его элементомъ (феноменальнымъ) и исключивъ другой элементъ (ноумень), должна неизбѣжно вести къ духовному или нравственному голоду; выводы изъ нихъ должны всегда дѣлать жизнь бессмысленной, чуждой высшей цѣли и назначенія, т. е. заканчивать всѣ процессы жизни и міра смертью и уничтоженіемъ безъ слѣда. Что касается самой науки или отдѣльныхъ наукъ, то это не отрицаетъ ихъ безгранично-важнаго значенія для жизни. Это значеніе двойное: во 1-хъ непосред-

ственно практическое (въ смыслѣ техническаго, а не этическаго, какъ употреблялъ Кантъ слово «практическій»). Во 2-хъ значеніе науки теоретическое или философское состоятъ въ томъ, что она и только она даетъ возможность, какъ мы увидимъ далѣе, создать «панфилософію». Эта помощь науки идетъ съ двухъ сторонъ. Во 1-хъ: открывая законы явленій или проявленій міровой сущности, наука даетъ намъ возможность судить объ общихъ чертахъ характера этой сущности, подобно тому, какъ мы судимъ по внѣшнимъ проявленіямъ человѣка о его внутреннемъ характерѣ; и во 2-хъ: наука, открывая намъ законы соотношенія нашихъ субъективныхъ (психическихъ) явленій съ объективными, т. е. механическими физиологическими и физикохимическими процессами нашего организма, даетъ намъ болѣе точный критерій для перенесенія во внѣшній міръ тѣхъ или иныхъ субъективныхъ или психическихъ явленій нашего организма, то разрѣшая это перенесеніе, то ограничивая его на основаніи точныхъ открытій законовъ этого соотношенія. Кромѣ того, наука и въ частности опытная научная психологія является для панфилософіи источникомъ и средствомъ для критики способности нашего познанаія, создавая критическую часть панфилософіи.

Теперь перейдемъ сперва къ развитію и подтвержденію тѣхъ изъ вышеприведенныхъ положеній, которыя могутъ казаться голословными.

II.

Физиологическое доказательство «вещи въ себѣ» и символизма научныхъ теорій.

Всѣ вышеизложенныя положенія опираются и логически вытекаютъ изъ перваго положенія, т. е. что за явленіями, изучаемыми наукой, есть сущность, или вещь въ себѣ. Если не доказано существованія въ жизни, кромѣ явленій, еще «вещи въ себѣ» или сущности явленій, то не доказано и того, что наука имѣетъ дѣло только съ однимъ элементомъ міра и жизни, устраняя другой, т. е. тогда окажется, что въ жизни нѣтъ ничего, кромѣ явленій, а слѣдовательно окажется, что наука охватываетъ все, весь цѣльный фактъ жизни и міра, и тогда она сама есть «всефилософія», или «панфилософія», и никакой иной «панфилософіи» не нужно. Поэтому прежде

всего мы должны направить свое вниманіе на доказательство существованія «вещи въ себѣ», или сущности, какъ чего-то качественно различнаго отъ области явленій, а не только количественно различнаго.

Сперва повторимъ въ связной логически цѣпи умазаключеній тѣ доказательства существованія «вещи въ себѣ», которыя основаны исключительно на физиологичѣ и были мелькомъ упомянуты въ нашей первой статьѣ.

По ученію теперешней физиологичѣ до нашего мозга, а слѣдовательно и до сознанія, помѣщающагося въ немъ, сами явленія вѣшняго міра не доходятъ. Они возбуждаютъ только концевые аппараты нашихъ нервовъ, затѣмъ порождаютъ нервные токи, которые одни только и доходятъ до мозга, а слѣдовательно и до сознанія. Для насъ въ данномъ случаѣ пока безразлично, чѣмъ отличаются эти токи другъ отъ друга, чѣмъ, напр., отличается токъ зрительнаго нерва отъ слухового, или чѣмъ отличается токъ, несущій до мозга впечатлѣнія отъ луча, имѣющаго число колебаній и длину волны фіолетоваго луча, или число колебаній и длину волны краснаго луча и т. д. Допустимъ, что наука современемъ откроетъ до малѣйшей точности все то, чѣмъ отличаются всѣ такіе специфическіе токи другъ отъ друга, допустимъ, что она графически изобразитъ различныя вибраціи молекулъ или атомовъ, или вещества нерва, несущихъ малѣйшіе оттѣнки ощущеній. Допустимъ, что она опредѣлитъ всѣ другія молекулярныя, физическія и химическія измѣненія, какія каждая такая разновидность нервнаго тока произведетъ въ мозгу, и все же мы будемъ этимъ путемъ знать только: 1) что не само событіе вѣщее достигло до нашего сознанія, а специфическій нервный токъ, соотвѣтствующій ему, 2) что этотъ токъ вызвалъ такое то специфическое измѣненіе въ строеніи или составѣ или въ молекулярномъ или въ вибраціонномъ состояніи мозга, и 3) что его измѣненіе явилось въ сознаніи въ видѣ ощущенія звука или свѣта, и въ частности звука до или ге или ми и т. д., или свѣта краснаго, зеленаго, желтаго или бѣлаго. Однимъ словомъ, даже тогда, когда наука дойдетъ до полнаго и абсолютнаго знанія явленій своимъ методомъ, она все же останется передъ двумя фактами: во 1-хъ, самое вѣшнее явленіе не достигаетъ мозга,—достигаетъ его нервный токъ; до сознанія же достигаютъ или этотъ нервный токъ или такія-то и такія то физико-химическія измѣненія въ мозгу. Эти-то по-

слѣднія чувствуются, ощущаются нами непосредственно, но уже не какъ нервныя токи или мозговья измѣненія (объ этомъ мы узнаёмъ объективнымъ изслѣдованіемъ), а какъ ощущенія свѣта, звука, цвѣтовъ и различныхъ звуковъ и т. д. Это-то и есть тотъ фактъ, который выражается обыкновенно словами: «наше сознание восприняло измѣненія мозга, или нервный токъ,—въ формѣ ощущенія». Но такъ какъ въ наукѣ идетъ теперь споръ о томъ, существуетъ-ли сознание какъ нѣчто цѣльное и особенное, какъ какая-то особая сущность, воспринимающая что бы то ни было, то мы, чтобы оставаться на почвѣ безспорной, также не будемъ говорить о сознаниі, какъ о чемъ-то особомъ, отдѣльномъ, т. е. какъ о сущности. Останемся при простомъ фактѣ, состоящемъ въ томъ, что мы непосредственно ощущаемъ (сознаемъ) не нервныя токи и не мозговые процессы, а прямо ощущенія звука, свѣта, боли, радости, горя и т. д. и т. д.

Такимъ образомъ, по ученію теперешней физиологіи, внѣшній міръ претерпѣваетъ въ насъ два видоизмѣненія: во 1-хъ, всякое его воздѣйствіе на насъ превращается сперва въ нервный токъ и мозговое измѣненіе, и во 2-хъ, этотъ нервный токъ или мозговое измѣненіе обращаются въ ощущенія. Какое же изъ этихъ двухъ измѣненій совершенно воплощаетъ то, что происходитъ внѣ насъ въ мірѣ? Если бы нервный токъ или измѣненія въ мозгу были точной копіей того, что происходитъ внѣ насъ въ мірѣ, то это значило бы, что внѣ насъ, въ мірѣ, происходятъ также только нервныя токи и мозговые измѣненія, т. е. что весь внѣшній міръ есть тоже нервы и мозгъ. Но—это нелѣпость. Быть можетъ, второй моментъ, т. е. субъективное ощущеніе вполне соотвѣтствуетъ внѣшнему міру и есть точная копія съ него? Но тогда надо допустить, что внѣшній міръ состоитъ изъ ощущеній свѣта, звука, запаха, тяжести и т. д., подобныхъ нашимъ, что совершенно невысказуемо также. Кромѣ того, физика говоритъ намъ, что во внѣшнемъ мірѣ нѣтъ звука, какъ ощущенія, а есть только волнообразное движеніе воздуха, нѣтъ свѣта, какъ ощущенія, а есть только эфирныя вибраціи и т. д. и т. д. Отсюда слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ на основаніи физики, что наши ощущенія совершенно не похожи на то, что есть во внѣшнемъ мірѣ. Въ нашихъ ощущеніяхъ мы имѣемъ только символы какихъ-то невѣдомыхъ намъ событій, или,—допустимъ на время,—вѣдомыхъ явленій, т. е. волнъ, вибрацій и т. п. Такимъ образомъ существованіе «вещи въ

себѣ», или «сущности» явленій, повидимому, абсолютно доказано физиологіей: т. е. доказано безповоротно, что міръ нашего непосредственнаго ощущенія и представленія совершенно не похожъ на тотъ міръ, какой дѣйствительно существуютъ внѣ насъ; что міръ, извѣстный намъ по ощущеніямъ и создающимся изъ нихъ представленіямъ и понятіямъ, есть міръ только символически соотвѣтствующій внѣшнему міру, съ которымъ качественно онъ совершенно различенъ.

Но тутъ выступаетъ научное міросозерцаніе и говоритъ: «да, міръ непосредственнаго представленія, дѣйствительно, различенъ отъ объективно существующаго міра, но наука знаетъ, каковъ этотъ объективно существующій міръ». И вотъ наука или научная философія даетъ свою картину міра: по однимъ, онъ состоитъ изъ атомовъ и ихъ вибрацій, при чемъ мнѣнія расходятся только о формѣ атомовъ: одни представляютъ ихъ себѣ неупругими, другіе упругими, третьи вихревыми, четвертые кольцеобразными, напоминающими кольца дыма, выпускаемаго курильщиками; другіе говорятъ, что и атомовъ не нужно, достаточно допустить центры пересѣченія силъ; одни говорятъ о бесконечно дѣлимыхъ атомахъ, другіе о недѣлимыхъ; наконецъ, есть и такія мнѣнія (напр., умершаго на-дняхъ Гирна), что въ мірѣ есть только силы, измѣненія которыхъ являются тѣмъ, что мы знаемъ какъ специфическія силы. Наконецъ, высшее обобщеніе, до какого достигла наука, есть понятіе «энергіи», т. е. чего-то неизвѣстнаго и не подлежащаго иному опредѣленію, кромѣ такого: энергія есть способность производить работу.

Не будемъ придираться къ тому, что наука не установила еще никакаго опредѣленнаго представленія о сущности матеріи. Такія придирки и нелѣпы, и бесплодны. Напротивъ, мы должны допустить въ будущемъ полное примиреніе всѣхъ людей науки на какомъ-нибудь одномъ, вполне точномъ опредѣленіи и понятіи. И это понятно почему: усовершенствуя научные инструменты и орудія и особенно математику, наука обязательно и неизбѣжно должна въ концѣ-концовъ придти къ всесовершенному, такъ сказать, абсолютному знанію, но только въ области явленій. Она неизбѣжно должна придти къ точнѣйшему опредѣленію и первоатома, и первоатеріи, ибо, исходя изъ извѣстныхъ чувственныхъ и количественныхъ отношеній, она съ помощью орудій и математики должна до конца исчерпать всѣ возможныя чувственныя и количе-

ственные отношенія, а между ними и такія, которыя вполне охватятъ область явленій безъ остатка. Въ области явленій не должно остаться не только ничего непознаваемаго, но даже ничего неизвѣстнаго. Дѣло не въ этомъ и противъ этого спорить безсмысленно. Все дѣло въ томъ, что даже эта идеальная наука будущаго будетъ знать только явленія т. е. символы, потому, что она исходитъ изъ тѣхъ же самыхъ ощущеній, изъ тѣхъ же самыхъ представленій и понятій, основанныхъ на этихъ ощущеніяхъ, которыя, какъ мы уже показали, совершенно не похожи и не могутъ быть похожи на міръ внѣшній, какъ онъ есть самъ въ себѣ, а представляютъ собою только соотвѣтствующіе символы. А потому всѣ выводы изъ этихъ ощущеній, изъ этого опыта, какъ бы эти выводы не подошли близко, по своему соотвѣтствію, къ тому, что есть во внѣшнемъ мірѣ, они все же будутъ только символами внѣшняго міра, а не его точнымъ подобіемъ, не его портретомъ. Вѣдь, научный опытъ, какъ мы показали ранѣе, состоитъ въ концѣ-концовъ все же изъ ощущеній, хотя и утонченныхъ научными орудіями. Но ощущенія всегда будутъ только символами того, что есть, а не точными подобіями. Ощущенія всегда суть только результатъ нервнаго тока и мозговыхъ измѣненій, превратившихся уже въ мозгу какимъ-то невѣдомымъ образомъ въ ощущенія. Самая математика, начиная съ извѣстнаго, съ аксіомъ относительно ли пространства или времени, или количества, или энергіи, выходитъ изъ отношеній, данныхъ намъ въ ощущеніяхъ, представленіяхъ и понятіяхъ, выведенныхъ изъ ощущеній, т. е. изъ символовъ, а не изъ объективно-существующихъ, невѣдомыхъ намъ, внѣшнихъ міровыхъ процессовъ. Такъ какъ наши ощущенія, хотя они только символы того, что есть въ дѣйствительности,—все-же символически соотвѣтствуютъ дѣйствительности, то и точные выводы изъ нихъ будутъ символически соотвѣтствовать дѣйствительности, но только символически, а не по существу. Вся же область науки останется до конца областью символовъ дѣйствительности, т. е. качественно останется навсегда иной отъ міра, какъ онъ есть самъ по себѣ. А этимъ неоспоримо доказано, что есть міръ самъ по себѣ, или вещь въ себѣ, или сущность, качественно отличная—какъ отъ міра непосредственнаго, такъ и отъ міра научнаго представленія. Именно качественно отличные, потому что міръ непосредственнаго и міръ научнаго представ-

ленія есть міръ символическій и только символически соотвѣтствуетъ истинной реальности.

Что значитъ символически соотвѣтствовать? Возьмемъ какое-нибудь слово, напр. «отець», и произнесемъ его вслухъ, а затѣмъ напишемъ его. Каждый составной звукъ слова «отець» произнесеннаго вслухъ, будетъ имѣть соотвѣтствіе въ написанной буквѣ. Но буква написанная будетъ только символомъ буквы произносимой или мыслимой. Глухонѣмой, никогда не знавшій звуковъ, можетъ превосходно изучить писанныя буквы и ихъ сочетанія, знать—какой предметъ обозначается писанными словами: «отець», «мать», «братъ» и т. д., но звукового ощущенія этихъ словъ и буквъ никогда не узнаетъ.

То же и съ научнымъ представленіемъ міра. Исходъ изъ символовъ (ощущеній и понятій, построенныхъ на нихъ), оно можетъ намъ давать точное символическое соотношеніе съ дѣйствительно существующимъ, но никогда мы не узнаемъ, каково это существующее само по себѣ, если не сумѣемъ подойти къ нему какимъ-то инымъ способомъ помимо чувственного. Но объ этомъ будетъ далѣе.

III.

Противорѣчіе физиологическаго доказательства, какъ односторонняго.

Выводъ отсюда слѣдующій: если міръ научный есть только символъ того, что есть на самомъ дѣлѣ, то все наши знанія, химическія-ли, физиологическія-ли, даже то, что мы называемъ нервомъ, мозгомъ, нервнымъ токомъ, кровью, мышцей, веществомъ, все, рѣшительно все суть только символы, т. е. наши же представленія, подъ которыми скрывается невѣдомая намъ сущность, или «вещь въ себѣ», т. е. мѣръ, каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, а не по нашему представленію.

Отсюда, и тѣ научные законы явленій, знаніе о свойствахъ тѣлъ, о процессахъ физиологическихъ, а также все гипотезы и теоріи объ эволюціи матеріи и міра, — эти они и могутъ быть вполне вѣрны съ точки зрѣнія представленій міровой сущности, т. е. вполне соотвѣтствуютъ сущности,

какъ символы, — но съ точки зрѣнія, исходящей изъ признанія этой сущности, они все являются только проявленіемъ ея для насъ, проявленіемъ тѣхъ невѣдомыхъ процессовъ, которые происходили и происходятъ въ этой сущности, или въ этой вещи въ себѣ.

Теперь я укажу читателю на то противорѣчіе, которое можно отыскать въ цѣли моихъ предыдущихъ заключеній. Оно состоитъ въ томъ, что я выхожу изъ ученія современной физиологіи, что ни одно явленіе міра, кромѣ нервнаго тока, не проникаетъ въ нашъ мозгъ, не достигаетъ сознанія непосредственно. Таково мое первое положеніе, но затѣмъ, путемъ критики, исходящей изъ этого положенія, я прихожу къ отрицанію этого положенія, потому что въ концѣ-концовъ оказывается, что то, что мы знаемъ какъ мозгъ, нервы, ихъ токи и ихъ процессы, суть тоже только явленія, т. е. только проявленія для насъ невѣдомой сущности этого процесса; стало быть, міръ, быть можетъ, и не отдѣленъ отъ нашего сознанія никакими нервными токами, а прямо сообщается съ нами непосредственно, хотя и черезъ несовершенный органъ, требующій болѣе утонченныхъ орудій.

Дѣйствительно, хотя факты доказываютъ, что наша познавательная способность сносится съ міромъ при посредствѣ несовершенно устроенныхъ органовъ чувствъ, но это бы не доказывало еще, что мы органами чувствъ не познаемъ міра, какъ онъ есть, (т. е. не познаемъ сразу его сущности, или «вещи въ себѣ»). Если бы мы допустили подъ нервомъ и нервнымъ токомъ, подъ мозгомъ и его процессами скрывающуюся сущность, качественно отъ міра не отличающуюся, то еще не было бы необходимости допустить, что мы во внѣшнемъ мірѣ не знаемъ сущности, или вещи въ себѣ, потому что, хотя намъ и доказано, что наши органы несовершенны, однако, они все же могли бы вводить самую сущность міра въ непосредственное сношеніе съ сущностью нашихъ нервовъ и мозга, и такимъ образомъ, все различіе во всякомъ познаніи состоялобы лишь въ томъ, что одно познаніе было бы болѣе совершенно при усовершенствованіи органа и его орудій, а другое, хотя и въ несовершенномъ видѣ, черезъ несовершенный органъ, но все же отражало бы міръ, какъ онъ есть. Конечно, это могло бы быть только при томъ условіи, если бы подъ нашими нервами и мозгомъ скрывалась, дѣйствительно, такая познающая сущ-

ность, которая воспринимает ви́шній процессъ, какъ онъ есть, не измѣняя его по существу. Тогда все познаніе зависѣло бы только отъ усовершенствованія органовъ или орудій, и все то, что было бы открыто этими орудіями, соотвѣтствовало бы ви́шнему міру не только символически, но и было бы точной копіей его.

Но,—возражаю я самъ себѣ,—могу-ли я опираться на положеніе, хотя и взятое изъ науки и опыта, т. е. вполне доказанное (въ области явленій), но тѣмъ не менѣе само собой падающее при дальнѣйшихъ выводахъ изъ него? Если не вѣрно первое положеніе, то, быть можетъ, не вѣренъ и выводъ изъ него. Это возраженіе напоминаетъ пзвѣстный силлогизмъ: Жанъ говоритъ, что французы лгутъ, Жанъ французъ, стало быть и онъ лжетъ, стало быть французы говорятъ правду, но если французы говорятъ правду, Жанъ, какъ французъ, тоже говоритъ правду, значитъ французы лгутъ и т. д. безъ конца. Въ самомъ дѣлѣ: физиологія говоритъ, что мы получаемъ только нервные токи; отсюда, міръ познаваемый не тождественъ съ объективно существующимъ, но стало быть, и сами нервы, и сами нервные токи не тождественны съ тѣмъ, что за ними скрывается; стало быть, до нашего сознанія могутъ доходить и не нервные токи, стало быть, міръ познаваемый можетъ быть тождественнымъ съ объективнымъ, но въ такомъ случаѣ существуютъ и нервы, и нервные токи... и такъ безъ конца.

Выходъ изъ такихъ силлогизмовъ не такъ труденъ, какъ кажется. Выходъ этотъ состоитъ во-1-хъ, въ провѣркѣ данныхъ выводовъ (напр. того, что всѣ французы лгутъ),—изъ другихъ источниковъ, кромѣ свидѣтельства француза, и въ нашемъ вопросѣ, необходимо провѣрить выводы, сдѣланные изъ положенія, которое затѣмъ заподозрѣно,—какими-нибудь другими фактами, которые не заподозрѣны ни въ началѣ, ни въ концѣ. Такіе факты для обосновки вывода о «вещи въ себѣ» существуютъ помимо физиологіи, которую мы заподозрѣли.

Мы выше пришли на самомъ дѣлѣ, не къ противорѣчію, а только къ неполному рѣшенію, оставляющему сомнѣніе, и весьма понятно, почему это случилось: потому что для доказательства существованія «вещи въ себѣ», или сущности явленій, мы шли только отъ одной физиологіи, т. е. только объективнымъ путемъ, т. е. односторонне.

IV.

Разрѣшеніе противорѣчія.

Мы должны теперь вспомнить, что обладаемъ всегда двойственнымъ знаніемъ: внѣшнимъ и внутреннимъ: т. е., наблюдая себя или другое живое существо извнѣ, мы замѣчаемъ рядъ внѣшнихъ, тѣлесныхъ, физическихъ, химическихъ и физиологическихъ процессовъ; наблюдая самихъ себя изнутри, т. е. путемъ внутренняго самонаблюденія, мы всѣ эти внѣшніе процессы непосредственно сознаемъ въ видѣ ощущеній, чувствъ, волненій, желаній и т. п. Мы, такимъ образомъ, имѣемъ какъ бы два совершенно особыхъ, качественно различныхъ міра, но въ то же время одинъ изъ этихъ міровъ до такой степени соотвѣтствуетъ другому, что явлениями одного можемъ предсказывать явленія другого и наоборотъ. Это напоминаетъ двое одинаково идущихъ часовъ; хотя это соотвѣтствіе, какъ мы уже пояснили ранѣе, является только символическимъ, а никакого качественного подобія одинъ міръ съ другимъ не имѣютъ.

Такимъ образомъ, мы знаемъ достовѣрно, что есть нѣчто, которое, когда мы его наблюдаемъ объективно, является намъ какъ мозгъ и его процессы, вообще какъ сложное вещество, состоящее изъ соединенія болѣе простыхъ веществъ, на которыя мы можемъ разложить его. И это же самое нѣчто, когда мы его наблюдаемъ субъективно, есть смѣна ощущеній, чувствъ, желаній и т. д. Но не въ субъективной-ли сторонѣ мы и имѣемъ искомую сущность явленій, т. е. «вещь въ себѣ»? Вѣдь, согласно предыдущему опредѣленію «вещь въ себѣ» должна быть качественно различна отъ явленія, а тутъ мы имѣемъ какъ разъ качественное различіе? Теперь мы нашли это качественно-различное. Почему же оно не сущность? Но въ томъ то и дѣло, что мы въ правѣ предположить, въ отдѣльности, и въ той, и въ другой сторонѣ наблюдаемаго нами факта—сущность, или «вещь въ себѣ». Почему мы дадимъ преимущество сторонѣ, наблюдаемой субъективно, а не объективно, и скажемъ, что она-то и есть сущность, а не проявленіе для насъ объективной или субъективной стороны?

Въ философіи оказывались возможными оба эти взгляда. Материализмъ считаетъ сущностью объективную матеріальную

сторону; спиритуализм — субъективную, психическую. Есть и третье воззрѣніе, что и та, и другая сторона суть проявленія для насъ чего то третьяго, невѣдомаго, «вещи въ себѣ», или сущности, лежащей въ основѣ явленій и той, и другой стороны, т. е. что это не есть два качественно-различныхъ міра. а только двѣ качественно-различныхъ стороны одного и того же невѣдомаго процесса, являющагося намъ то съ одной стороны, то съ другой, смотря по тому, съ какой стороны мы его наблюдаемъ, со внѣшней или съ внутренней; совершенно подобно тому, какъ часовое стекло является намъ то выпуклымъ, то вогнутымъ, смотря потому съ какой стороны мы его наблюдаемъ (сравненіе Тэна).

Не рѣшая пока этого вопроса, остановимся на минуту вотъ надъ чѣмъ: имѣетъ огромное значеніе для философіи, — такъ или иначе будемъ мы смотрѣть на эти двѣ стороны человѣка: будемъ ли мы предполагать за ними «вещь въ себѣ», отличающуюся отъ обѣихъ по качеству, или, наоборотъ, которую нибудь одну изъ сторонъ признаемъ сущностью, а другую только проявленіемъ ея. Наука и вытекающая изъ нея философія хотя и принимаетъ во вниманіе субъективную сторону, но строить свои системы изъ одного объективнаго опыта, изъ гипотезъ матеріи и подводить все къ механической теоріи, т. е. къ теоріи, обнаруженной изъ объективной стороны процесса. Такимъ образомъ, она даетъ главенствующее значеніе одной изъ сторонъ, подчиняя субъективную сторону объективной, а отсюда устанавливается — даже вслѣдствіе привычки — специфическая точка зрѣнія на міръ, какъ на состоящій только изъ объективныхъ, механическихъ процессовъ, какъ на что-то мертвое, машинообразное, въ которомъ субъективная сторона не играетъ никакой самостоятельной роли. Этотъ взглядъ переносится даже на явленія человѣческой жизни, на явленія нравственныя, общественныя и историческія, которыя всѣ болѣе и болѣе разсматриваются съ объективной и механической стороны, а субъективная сторона человѣка — его чувства, идеалы являются какъ-бы только проявленіями (для человѣка) механическихъ процессовъ. Но если наука признала, что это суть только двѣ стороны одного неизвѣстнаго процесса, то она въ этомъ случаѣ дѣлаетъ ошибку противъ этого же основного положенія: если она признаетъ равную значительность обѣихъ сторонъ, то должна совмѣщать въ себѣ и объективную и субъективную, сторону явленій на рав-

ныхъ правахъ, т. е. не давая преобладанія ни одной изъ нихъ, ибо такое соподчиненіе было бы уже косвеннымъ признаніемъ одной стороны сущностью, а другой—только проявленіемъ, что и дѣлаетъ наука.

Но она тутъ права, пока остается въ своей области и не становится всефилософіей. Истинная же критическая философія должна установить, что непосредственно мы, люди, знаемъ только свою субъективную сторону, т. е. свои ощущенія, чувства, желанія, представленія, понятія и идеи, основанныя на нихъ. Весь остальной міръ мы знаемъ только черезъ свои ощущенія. То, что мы называемъ объективнымъ міромъ и объективнымъ познаніемъ, есть, на самомъ дѣлѣ, только наши ощущенія или представленія, т. е. нашъ же субъективный міръ, символически отразившій что-то существующее внѣ насъ, объективное по отношенію къ нашему «я» или къ нашему сознанію. Такъ что, говоря точно, мы ничего, кромѣ нашей субъективной стороны, и не знаемъ. Объективный міръ есть только проэктированіе въ пространствѣ т. е. объективированіе нашей субъективной стороны. И это станетъ особенно ясно и наглядно, если мы внимательнѣе рассмотримъ эту нашу субъективную сторону.

Обыкновенно, когда хотять доказать, что и наша субъективная сторона есть такое же явленіе, какъ и объективная сторона, доказываютъ это тѣмъ, что въ ощущеніяхъ мы имѣемъ всегда и тотъ предметъ или ту внѣшнюю причину, которая породила ощущеніе. Поэтому говорятъ, что мы никогда не можемъ знать чистаго ощущенія, или ощущенія самого по себѣ; всегда это есть ощущеніе чего-нибудь: напр., ощущеніе свѣта несетъ въ себѣ не только чисто субъективное явленіе, но и объективное явленіе, и они такъ слиты во едино, что нельзя отдѣлить—что въ нихъ принадлежитъ сознанію и что внѣшнему міру (Спенсеръ). Но разсуждая такъ, забываютъ самый общезвѣстный научный фактъ, что ощущеніе свѣта можетъ быть вызвано въ насъ вовсе не тѣмъ, что мы называемъ объективнымъ свѣтомъ (вибраціями эфира), а, напр., можетъ быть получено, если щипать зрительный нервъ или просто надавить въ темнотѣ на глазное яблоко. Ощущенія звуковъ являются безпрепятственно безъ всякихъ звуковыхъ причинъ, напр. отъ кровообращенія въ ухѣ, отъ нарушеній барабанной перепонки.

Этимъ мы хотимъ сказать, что ощущенія заложены въ насъ какъ возможности (потенціи) помимо всякихъ возбужденій

отъ міра, лежащаго въѣ организма. Если бы можно было знать до точности, какіе нервныя концевыя аппараты возбуждаются при тѣхъ или иныхъ ощущеніяхъ, то въ человѣкѣ можно бы было искусственно возбуждать какія угодно представленія, дотрогиваясь до этихъ нервовъ: можно было бы заставить человека слышать цѣлыя симфоніи безъ всякой музыки, видѣть цѣлыя сцены, драмы,—безъ всякихъ внѣшнихъ явленій, кромѣ прикосновенія къ соотвѣтствующимъ концевымъ аппаратамъ нерва и т. д., и т. д. Исслѣдованіе Гладстона, —показывающее, что у древнихъ Грековъ не было названій нѣкоторыхъ цвѣтовыхъ ощущеній, и что, слѣдовательно, цвѣтотыя ощущенія развиваются,—еще ничего не говоритъ противъ нашего основнаго положенія, какъ ничего не говоритъ противъ него дальтонизмъ, т. е. неспособность видѣть какой-нибудь цвѣтъ, а также и то, что у дѣтей ощущенія развиваются постепенно. Во всякомъ случаѣ, разъ эта способность есть, развилась ли она путемъ упражненія или нѣтъ, въ основѣ ея лежитъ одинъ и тотъ же фактъ: при возбужденіи тѣхъ или иныхъ частей или элементовъ мозга, мы получаемъ всегда то или иное опредѣленное ощущеніе—не похожее, на возбудителя, т. е. самостоятельно существующее въ насъ, т. е. ощущеніе мы узнаемъ непосредственно, какъ оно есть въ себѣ и никакого понятія о сущности внѣшняго предмета, вызвавшаго его, оно не даетъ: знаніе объ этомъ внѣшнемъ предметѣ возникаетъ путемъ долгаго сопоставленія ощущеній, о чемъ будетъ дальше сказано подробно.

Общій выводъ изъ этого тотъ, что всѣ образы зрительныя, слуховыя, осязательныя, обонятельныя и т. д., въ какихъ намъ является міръ, уже лежатъ готовыми (въ видѣ потенцій) въ нашемъ мозгу и проявляются лишь при соотвѣтственномъ ихъ возбужденіи, т. е. когда какой-нибудь внѣшний или внутренній процессъ, такъ сказать, отыскиваетъ ихъ и возбуждаетъ. Т. е. они познаются нами не посредствомъ чего-нибудь, а прямо, какъ они есть.

Стало быть, все наше, такъ называемое, объективное знаніе, не исключая и научнаго, есть не болѣе, какъ такія пробужденія уже готовыхъ потенцій ощущенія, въ самыхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ. Отсюда ясно, что мы ничего не знаемъ, кромѣ самихъ ощущеній, а о внѣшнемъ мірѣ намъ говоритъ только то или иное сочетаніе ихъ, тѣ или иные аккорды ихъ: только эти сочетанія, или аккорды, зависятъ отъ внѣш-

наго міра и его распорядка, сами же ощущенія, т. е. отдѣльныя ноты этихъ аккордовъ, суть потенціи, заранѣе заложенныя въ насъ (все равно—какъ) въ большей или меньшей степени, отчего и зависитъ ихъ способность развиваться. Говоря для наглядности сравненіемъ, нашу способность сознанія можно сравнить съ арфой или роялю, болѣе или менѣе настроенными. Ви́шній міръ является артистомъ, который можетъ коснуться тѣхъ или другихъ струнъ или клавишъ, отчего получаютъ соотвѣтствующіе аккорды и мелодіи. Если-бы мы не видѣли артиста, а чувствовали только его музыку, то эти мелодіи не дали-бы намъ понятія объ артистѣ, какъ о цѣломъ, но онѣ даютъ намъ понятіе о тѣхъ движеніяхъ которыя онѣ дѣлаютъ, о быстротѣ, силѣ и связи этихъ движеній. Также точно наши образы міра не даютъ намъ понятія о мірѣ, каковъ онъ, а даютъ намъ понятіе о его движеніяхъ, о нѣкоторомъ строгѣ послѣдовательностей и сосуществованій этихъ движеній. Но это то и называетъ закономъ настоящая наука.

И вотъ почему также наука сводитъ все на движенія. Но эти же движенія позволяютъ панфилософіи заключить о характерѣ и настроеніи того, что движется,—какъ звуки музыки даютъ право заключить о представленіяхъ, чувствахъ, которыя имѣлъ артистъ, прикасаясь къ роялю или арфѣ.

Но это мыслимо лишь тогда, когда мы субъективной сторонойъ явленій отдаемъ должное значеніе. Эту двойственность процессовъ, т. е. существованіе объективной и психической стороны, наука, однако, колеблется распространить на всѣ процессы, познаваемые нами объективно. Сперва люди ихъ распространяли лишь на другихъ людей, потомъ заключали, что та же двойственность есть и въ животныхъ (это еще не особенно давно, хотя и другими словами, отрицалъ, напр., Декартъ) Новыя изслѣдованія заставляютъ предполагать ту же двойственность даже въ амѣбѣ или бѣломъ кровяномъ шарикѣ: самыя точныя изслѣдованія заставляютъ предполагать, что даже въ такомъ простомъ, микроскопическомъ комочкѣ живой матеріи есть и желанія, и чувствованія. Такимъ образомъ, ограниченіе вышеупомянутой двойственности однимъ только человѣкомъ или высшими животными, снабженными мозгомъ, вообще предположеніе, что эта двойственность (субъекта и объекта) связана только съ мозговыми процессами, оказывается повидимому совершенно несостоятельной. Мы не будемъ, однако, утверждать ничего положительнаго объ этомъ вопросѣ, а тѣмъ

болѣе не будемъ строить пока никакихъ дальнѣйшихъ гипотезъ, въ родѣ гипотезъ Геккеля и Нуаре о душѣ клѣтокъ и объ ощущеніяхъ атомовъ. Намъ важно здѣсь не то.

Предыдущимъ изложеніемъ мы пришли косвенно къ рѣшенію вопроса о томъ, не составляетъ-ли наша субъективная сторона сущности процесса? Въ ощущеніяхъ мы имѣемъ, дѣйствительно, какъ будто нѣчто первичное, причины котораго мы познать не можемъ. Но мы видимъ, что ощущенія сами по себѣ существуютъ только въ возможности, а для ихъ возникновенія требуется ихъ пробужденіе какимъ-либо возбужденіемъ. Безъ этого возбужденія они остаются только возможностями, т. е. безъ возбужденія они какъ ощущенія не существуютъ. Точно также наши чувствованія существуютъ въ возможности, пока ихъ не возбудитъ что-либо. То же можно сказать и относительно желаній, стремленій: все это не есть нѣчто постоянно существующее само по себѣ, оно существуетъ только въ возможности возникнуть при извѣстныхъ условіяхъ, т. е. является только выраженіемъ извѣстнаго отношенія, и тотчасъ же снова обращается въ одну возможность, когда данныя условія или отношенія преобразились или измѣнились. Самое упорное изъ нашихъ чувствъ, самосохраненіе, подчинено тому-же закону: во время сна, обморока, оно прекращается, какъ сознательное ощущеніе, между тѣмъ какъ процессъ самосохраненія остается и въ безсознательномъ состояніи.

Но отсюда слѣдуетъ, что и субъективная сторона наша, хотя она для насъ и есть первая,—черезъ которую и въ формахъ которой мы только и знаемъ сторону объективную,—не есть еще наша сущность или «вещь въ себѣ», а есть временное и обусловленное проявленіе какой-то другой сущности, или вещи въ себѣ.

Такимъ образомъ, существованіе вещи въ себѣ или сущности мы можемъ считать теперь обоснованнымъ. При чемъ нашу субъективную сторону должны считать первымъ проявленіемъ для насъ эгой сущности, а уже черезъ ея формы, и именно только черезъ сочетанія ея формъ въ извѣстной послѣдовательности и сосуществованіи,—мы выносимъ знаніе о той-же сущности съ объективной ея стороны.

У.

Два рода явленій или феноменовъ.

Изъ того, что было сказано въ предыдущей главѣ, логически слѣдуютъ вотъ какіе неизбѣжные выводы: какъ въ мірѣ внѣшнемъ, такъ и въ себѣ самихъ мы имѣемъ, за ихъ проявленіями, неизвѣстныя намъ сущности, или вещь въ себѣ. Оставимъ пока въ сторонѣ сущность объективнаго міра и остановимся на сущности, которая заключена въ насъ самихъ.

Проявленія этой сущности бываютъ субъективныя и объективныя: субъективныя состоятъ изъ ощущеній, чувствованій, желаній, т. е. вообще изъ всѣхъ тѣхъ психическихъ (субъективныхъ) явленій, которыя мы наблюдаемъ въ себѣ самихъ непосредственно, т. е. познаемъ внутреннимъ самонаблюденіемъ или самосозерцаніемъ. И во 2-хъ, проявленія этой же сущности могутъ быть объективными, т. е. когда мы наблюдаемъ извнѣ себя (напр. въ зеркалѣ) и другихъ людей: они состоятъ не только въ рѣчи, движеніяхъ, но и въ анатомическомъ устройствѣ и въ физиологическихъ явленіяхъ организма. Но всякое знаніе проявленій чего-нибудь, какъ объективныхъ такъ и субъективныхъ, позволяютъ намъ дѣлать заключенія о томъ, что проявляется: такъ, внѣшнее наблюденіе надъ поступками другого человѣка позволяетъ заключать о его характерѣ. Совершенно также самонаблюденіе нашихъ психическихъ проявленій даетъ намъ возможность дѣлать заключеніе о собственномъ своемъ характерѣ и способностяхъ и вообще дѣлать болѣе или менѣе точные выводы о той сущности или «вещи въ себѣ», которая проявляется для насъ въ нашихъ субъективныхъ явленіяхъ. Самыя простѣйшія, но въ то же время, самыя неоспоримыя субъективныя наблюденія будутъ состоятъ въ томъ, что сущность, заключающаяся въ насъ, имѣетъ способности: 1) ощущать, 2) чувствовать (эмоціи) 3) желать и 4) мыслить. Конечно, простое наблюденіе надъ собою не говоритъ еще намъ о существованіи сущности, заключенной въ насъ. Оно говоритъ только, что «я» самъ имѣю способность ощущать, чувствовать, желать и мыслить. Но дальнѣйшее изученіе себя, а черезъ себя и другихъ людей и, наконецъ, объективнаго міра приводитъ уже, какъ мы видѣли, къ неоспоримому выводу о существованіи сущностей

или вещей въ себѣ, заключающихся какъ въ насъ, такъ и во ви́шнемъ мірѣ за явленіями ихъ. Всего поразительнѣе однако, что, еще не имѣя понятія о наукѣ, и въ частности физиологій, древніе и даже дикари уже представляли себѣ эту сущность человѣка, хотя, если вѣрять Тайлору и Герберту Спенсеру, ихъ представленіе произошло изъ совершенно наивныхъ обобщеній сна, сновидѣній, отраженія въ водѣ и тѣни, даваемой тѣломъ. По этому представленію, сущность человѣка есть душа, представляющая также совершенное подобіе или двойникъ человѣка, какъ его отраженіе въ водѣ, или его тѣнь; но однако, этотъ двойникъ не былъ вполнѣ тождественъ съ матеріальнымъ тѣломъ человѣка. Матеріальныя свойства человѣка и его тѣла отсутствовали у этого двойника. За то онъ былъ надѣленъ всѣми его психическими, т. е. субъективными свойствами. Читатели уже теперь видятъ, что, на основаніи те-перешней физиологически обоснованной критики, въ этомъ представленіи оказывается нѣкоторая доля истины. Разница только въ томъ, что первичное представленіе о сущности человѣка считало тѣло чѣмъ-то существующимъ самостоятельно, отдѣльно отъ сущности или души, и наоборотъ. Уже было сказано въ предыдущей главѣ, что тѣлесное или объективное проявленіе нашей сущности, т. е. наше тѣло съ его физиологическими процессами, надо считать только проявленіемъ для насъ сущности или символомъ ея, являющимся для насъ при объективномъ наблюденіи человѣка. Тѣмъ не менѣ первобытное представленіе сущности вѣрно въ томъ отношеніи, что сущность-человѣка, или та «вещь въ себѣ», которая заслонена проявленіями (при чувственномъ и объективномъ наблюденіи), есть нѣчто, дѣйствительно лишенное всѣхъ матеріальныхъ свойствъ, такъ какъ эти свойства, вѣдь, являются лишь ея проявленіями для насъ. Ибо всѣ объективныя наблюденія, какъ уже доказано, суть только проявленія, или символы «вещи въ себѣ» а потому сама вещь въ себѣ не такова, но, наоборотъ, эта же наша сущность, съ субъективной стороны, есть дѣйствительно подобіе внутренняго человѣка, т. е. обладаетъ тѣми субъективными (психическими) свойствами, которыя мы наблюдаемъ въ себѣ ужъ непосредственно (т. е. способность ощущать, чувствовать, мыслить и желать). Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь эти способности мы въ себѣ знаемъ прямо безъ посредства какихъ-либо ви́шнихъ, чувственныхъ наблюденій, которыя явля-

лись-бы только символами «вещи въ себѣ». Хотя мы сказали въ предыдущей главѣ, что и психическія или субъективныя проявленія сущности суть тоже только проявленія для насъ сущности, а не самая сущность, но они отличаются радикально отъ объективнаго знанія тѣмъ, что объективное знаніе мы получаемъ или выводимъ только черезъ нихъ-же, т. е. все объективное знаніе мы имѣемъ въ формѣ своихъ же ощущеній и выводовъ изъ нихъ; такъ что ощущенія и выводы изъ нихъ, дѣйствительно, въ этомъ случаѣ, являются только символами чего-то объективно существующаго. Но когда мы тѣ же ощущенія разсматриваемъ безъ отношенія къ знанію объ объективномъ мірѣ, т. е. не для того, чтобы изъ нихъ вывести и узнать внѣшній міръ, а разсматриваемъ ихъ только какъ проявленія для насъ нашей же сущности (ощущающей, чувствующей, желающей и мыслящей), то въ нихъ мы имѣемъ уже не символы этой нашей сущности, а ея способности, ея свойства. А это огромная разница, на которую почти вовсе (или очень мало) обращали вниманіе. Поясню это больше: когда я вижу бѣлый свѣтъ, то хотя бы я и былъ увѣренъ, что причина его лежитъ внѣ меня, т. е. зависитъ отъ объективнаго луча свѣта, возбудившаго во мнѣ ощущеніе бѣлаго цвѣта, тѣмъ не менѣе, я знаю, благодаря наукѣ, что это ощущеніе бѣлаго свѣта не похоже на ту причину, которая его произвела, и есть только символъ этой причины: свѣтъ объективный есть вибраціи эфира, а свѣтъ субъективный есть ощущеніе бѣлаго. Но когда я это ощущеніе бѣлаго разсматриваю только во мнѣ самомъ, то я знаю, что это ощущеніе есть непосредственная способность моя возбуждаться (реагировать) такъ, а не иначе на данную внѣшнюю причину (т. е. на объективный свѣтъ). Значитъ, это есть уже не символъ меня или моей сущности, а есть сама способность моей сущности, свойство ея проявляться въ ощущеніи бѣлаго цвѣта и т. п. Это такъ ясно и неоспоримо, что едва-ли стоило бы больше развивать эту мысль. Но она такъ важна для насъ въ нашихъ дальнѣйшихъ выкладкахъ, а люди такъ привыкли, даже въ философіи, придавать второстепенное значеніе именно непосредственному психическому, субъективному знанію, что приходится еще говорить о такой вещи, очевидной, какъ дважды-два четыре. Мы еще разъ повторимъ этотъ выводъ: наблюдая свой психическій, субъективный міръ,

мы непосредственно имѣемъ въ его явленіяхъ способности нашей сущности, или вещи въ себѣ, но не символы ея только. Хотя мы имѣемъ въ нихъ только проявленія или явленія этой сущности, или вещи въ себѣ, но, однако, не символическія проявленія, а непосредственныя проявленія, т. е. имѣемъ способности или свойства нашей сущности. Итакъ, проявленіе или явленіе (сущности) можетъ быть двухъ родовъ: одно посредственное или символическое, другое непосредственное или прямое. Въ объективномъ знаніи мы имѣемъ символическое знаніе «вещи въ себѣ» или сущности, въ субъективномъ знаніи непосредственное знаніе способностей «вещи въ себѣ» или сущности.

Мы уже привели въ предыдущей главѣ наглядное сравненіе нашей познавательной способности съ арфой. Какъ въ насъ потенціально заложены ощущенія, которыя возникаютъ лишь тогда, когда ихъ коснется возбужденіе, идущее отъ внѣшняго міра, такъ въ струнахъ арфы готовы потенціальные звуки, но они молчатъ, пока что-нибудь не коснется струнъ. Но какъ звукъ на арфѣ не похожъ на палецъ артиста, который прикоснулся къ арфѣ, такъ наши ощущенія не похожи на объективный процессъ, который ихъ вызвалъ.

Но по звукамъ вы можете сказать и о свойствахъ того, кто коснулся къ арфѣ: слуга-ли съ тряпкой — вытереть струны, или ребенокъ, захотѣвшій пошалить съ арфой, или опытный артистъ. Вы сдѣлаете этотъ выводъ по той послѣдовательности звуковъ, которая получается. Конечно, лишь въ томъ случаѣ, если уже знаете устройство арфы. Такъ и человекъ, уже знающій устройство своего познавательнаго аппарата и способности его возбуждаться внѣшними процессами, знаетъ, что если въ этомъ аппаратѣ явились ощущенія, то, стало быть, что-то внѣшнее коснулось его (хотя, въ галлюцинаціяхъ, это можетъ быть и ошибкой), а затѣмъ, по характеру ощущенія и прикосновенія судить уже о томъ, что прикасается.

Замѣтьте еще разъ, что только путемъ изслѣдованія арфы другими органами (кромѣ слуха) напр., осязаніемъ, зрѣніемъ, вы дойдете до того, что будете знать, что, когда звучитъ арфа, значитъ, кто-нибудь ее трогаетъ, а затѣмъ будете угадывать и то, кто трогаетъ. То же и съ существомъ, впервые явившимся въ міръ и замѣчающимъ въ себѣ ощущенія. Оно сперва можетъ по нимъ догадываться только, что въ немъ есть что-то, способное ощущать, а затѣмъ дальнѣйшимъ опытомъ узнаетъ, что

кто-то или что-то, вызываетъ въ немъ эти ощущенія. Но объ этомъ «чемъ-то» виѣшнемъ оно можетъ знать только свои же ощущенія и ничего больше. Оно пускаетъ въ ходъ разные ощущенія, осязательныя, обонятельныя, зрительныя, слуховыя и получаетъ представленія о предметѣ, но всѣ они будутъ только группой или суммой его ощущеній, т. е. всегда будутъ только символомъ предмета, не похожимъ на сущность самаго предмета, на то, каковъ онъ дѣйствительно есть, какъ звуки арфы не есть тотъ артистъ, который играетъ, а только символы, звуковыя знаки, позволяющіе судить о немъ. Наши ощущенія не суть виѣшній міръ, который ихъ вызываетъ, а только символы, чувственные знаки, позволяющіе судить о томъ, что ихъ вызываетъ, хотя это нѣчто совсѣмъ не похоже, (инородно) съ этими ощущеніями.

Но, наоборотъ, если звуки арфы разсматривать сами по себѣ, безъ отношенія къ тому, кто играетъ, къ имъ они вызваны, а только желая судить по нимъ объ устройствѣ самаго инструмента, арфы, то мы найдемъ, что эти звуки суть свойства или способность самой арфы, т. е. ея струнъ, деки и т. д. Также и ощущенія свои мы можемъ разсматривать для двухъ цѣлей: или мы изъ нихъ выводимъ свойства той объективной сущности, которая вызвала ихъ, т. е. того дѣятеля, который коснулся струнъ души; или же мы беремъ эти ощущенія сами по себѣ, чтобы по нимъ судить прямо о свойствахъ самаго познавательнаго инструмента (т. е. души). И, какъ звуки арфы говорятъ намъ о свойствахъ артиста только символически, т. е. въ звукахъ, не похожихъ на артиста, и только косвенно даютъ понять о его способностяхъ и свойствахъ, а, наоборотъ, объ арфѣ говорятъ, хотя также звуками, тоже не похожими на арфу, но составляющими прямую способность или свойство ея, такъ и наши субъективныя явленія говорятъ намъ объ объективной сущности и о нашей сущности хотя одними и тѣми же ощущеніями, но объ объективной они говорятъ косвенно, заставляя выводиться изъ нашихъ ощущеній свойства этой сущности; о субъективной же нашей сущности они говорятъ прямо, являясь ея именно способностями.

Конечно, и это сравненіе еще не вполне точно выражаетъ нашу мысль, ибо въ немъ мы только для наглядности говоримъ, что звуки есть свойства или способности арфы. Производить или порождать звукъ есть способность арфы, но сами

звуки, объективные, какъ вибраціи воздуха, есть способность воздуха, а субъективные звуки есть способность только нашего познавательнаго аппарата.

VI.

Происхожденія матеріалистическаго объективнаго знанія.

Теперь мы должны разсмотрѣть, какъ-же возникаетъ для насъ пзъ субъективныхъ проявленій нашей сущности объективное знаніе. При этомъ нашею цѣлью будетъ выяснитъ самые источники матеріалистическаго міровоззрѣнія и той ошибки, въ силу которой оно (и вообще объективное, механическое представленіе міра) выдвинулось на первый планъ и заслонило собою субъективное знаніе сущности міра; т. е., сдѣлало субъективное знаніе подчиненнымъ объективному, а не наоборотъ, какъ есть въ дѣйствительности.

Случилось это удивительное извращеніе сперва по причинѣ весьма уважительной. Человѣчество, едва оно поняло, что въ каждомъ его ощущеніи, т. е. во всякомъ знаніи смѣшаны одновременно два знанія: знаніе о своей субъективной сущности, и знаніе (символическое) о томъ объективномъ процессѣ, который возбудилъ ощущеніе, стремилось отдѣлать одно знаніе отъ другого. Посмотримъ для этого, что даетъ намъ ощущеніе въ смыслѣ объективнаго знанія. Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ современныхъ ученыхъ, Эрнестъ Геккель, горячій послѣдователь эволюціонной теоріи, т. е. теоріи постепеннаго развитія типовъ, написалъ изслѣдованіе, которое было переведено и напечатано въ нашемъ журналѣ: «О происхожденіи и развитіи органовъ чувствъ». Это изслѣдованіе убѣждаетъ что всѣ наши органы чувствъ есть не болѣе, какъ утонченное развитіе осязательной способности. И, въ самомъ дѣлѣ: простое осязаніе, которое всего сильнѣе развито въ кончикахъ пальцевъ и языка, является, напр., въ слуховомъ органѣ только болѣе утонченнымъ: пальцами и языкомъ мы осязаемъ лишь болѣе рѣзкія измѣненія внѣшней формы предметовъ, (ихъ твердость, жидкость, шероховатость, гладкость, давленіе, вѣсъ, сопротивленіе), чему помогаетъ и мускульное чувство; ухо-же является способнымъ осязать малѣйшія движенія воздуха, т. е. волны воздуха, неуловимыя простымъ осязаніемъ: нако-

вещь зрѣніе осязаетъ еще болѣе тонкія движенія предполагаемой эфирной среды, неуловимыя слухомъ; наконецъ, термическое ощущеніе, т. е. ощущеніе теплоты и холода, есть тоже осязаніе тѣхъ тепловыхъ волнъ и ихъ дѣйствія на тѣло, которыя неуловимы зрѣніемъ и т. д. Наконецъ, мускульное чувство даетъ намъ возможность судить о сопротивленіи, измѣряя его чувствомъ собственного усилія. Однимъ словомъ, говоря короче, всѣми нашими органами чувствъ мы знаемъ объ объективномъ мірѣ только тѣ его воздѣйствія на насъ, которыя можно вообще назвать осязательными, тактильными. Конечно, всѣ они для насъ проявляются въ формѣ разныхъ ощущеній, символически выражающихъ однако одни и тѣ же факты:—прикосновенія къ намъ чего-то внѣшняго, объективнаго. Что прикасается, мы не знаемъ пока, какъ слѣпой, слышащій арфу. Но какъ онъ знаетъ по ея звукамъ, что вотъ это прикосновеніе должно быть сильно, потому что звукъ громкій, а вотъ это слабо, ибо звукъ слабый, это коротко, это продолжительно, это слѣдуетъ быстро за другимъ, а это медленно, это идетъ вмѣстѣ съ другими, а это послѣдовательно, такъ и мы, изъ всего нашего знанія, если очистимъ его отъ всѣхъ субъективныхъ его формъ (какъ и дѣлаетъ наука),—т. е. пытаясь узнать одно чистое объективное вѣчто, что дѣйствительно дано объектомъ, т. е. внѣшнимъ процессомъ, въ нашемъ субъективномъ состояніи,—должны сперва свести всѣ наши ощущенія на прикосновенія болѣе сильное и менѣе сильныя, на послѣдовательность прикосновеній болѣе или менѣе скорую, болѣе или менѣе короткую и продолжительную, идущую вмѣстѣ или порознь. Затѣмъ, послѣдовательно отрѣшаясь и отъ послѣдняго субъективнаго элемента, т. е. прикосновенія собственно къ намъ, и сопротивленія намъ, мы выводимъ изъ всѣхъ своихъ ощущеній объективную ихъ квинтъ-эссенцію: движеніе сильное и слабое, быстро слѣдующее другъ за другомъ или медленно, продолжительное или короткое, совмѣстное съ другими или послѣдовательное. Это движеніе своею короткостью или долгою, быстротой или медленностью, само собой вноситъ понятіе времени, какъ необходимое средство его измѣренія, почему и время мы относимъ къ объекту. Затѣмъ движеніе предполагаетъ перемѣну пространства т. е. возникаетъ убѣжденіе въ объективности пространства. Сопротивленіе является уже не сопротивленіемъ намъ, а сопротивленіемъ объективному движенію вообще.

Наконецъ, остается еще понятіе силы (хотя оно уже почти выброшено современной наукой, какъ весьма субъективное и потому сомнительное). Это послѣднее понятіе замѣняется все болѣе понятіемъ энергіи, какъ способности производить работу. Затѣмъ, въ качествѣ общей объясняющей гипотезы, является понятіе о носителѣ этого движенія: «если есть движеніе, то должно быть и что-то движущееся, т. е. матерія». Матерія въ свою очередь разсматривается различно, но всегда, конечно, не выходя изъ предѣловъ тѣхъ основныхъ понятій, которыя можно оставить въ объектѣ, не внося въ него ничего изъ субъекта. Такъ, чтобы объяснить процессы перемѣнъ въ матеріи, не выходя изъ понятія движенія, создается измелъченіе матеріи на безконечно или конечно малыя частички, т. е. является понятіе атома. Таковъ былъ процессъ абстракціи объективнаго изъ суммы нашихъ ощущеній. Онъ начался въ глубокой древности и съ развитіемъ науки только очищался болѣе и болѣе отъ субъективныхъ элементовъ. Такимъ образомъ, происхождение механическаго и матеріалистическаго міровоззрѣнія является намъ теперь нагляднымъ. Оно лежитъ въ стремленіи отрѣшиться, при разсматриваніи явленій, отъ всего, что вносится въ явленія нашей субъективной стороной, т. е. имѣть дѣло съ чистымъ объектомъ, какъ отвлеченіемъ или абстракціей отъ нашихъ ощущеній всего того, что можетъ быть приписано чистому воздѣйствію на насъ объективнаго процесса. Наоборотъ, все тѣ краски и образы ощущенія, какіе внесены въ представленіе самими ощущеніями, старательно отбрасываются и исключаются. Однимъ словомъ, это есть тоже стремленіе—отыскать сущность объективныхъ процессовъ, вещь въ себѣ, скрывающуюся подъ ними, но найти ея посредствомъ устраненія всего субъективнаго, всего, что вносится въ знаніе способностями нашей сущности, ощущеніями.—Что это дѣйствительно такъ, а не есть только предположеніе наше, ясно не только изъ всего предыдущаго изложенія, но и изъ самой исторіи матеріализма: онъ возникъ со всѣми своими признаками очень рано, еще въ древней Греціи, когда еще не было современныхъ утонченныхъ научныхъ знаній, возникъ со всѣми тѣми-же представленіями объ атомахъ, силахъ, движеніяхъ, какія остаются въ общихъ чертахъ и теперь. Правда, новая химія въ открытіяхъ Дальтова и Пруса показала какъ-бы объективную реальность атомическаго устройства матеріи, но далѣе это явленіе будетъ объяснено.

VII.

Двойственность науки.

Но въ наукѣ далеко не все строится на этихъ отвлеченныхъ представленіяхъ. Мы здѣсь имѣемъ въ виду не Коптовское дѣленіе наукъ на конкретныя и абстрактныя, а вотъ что: значительно большая часть научнаго изслѣдованія основана на опытѣ и наблюденіи: такова вся наблюдательная часть ботаники, зоологіи, анатоміи, минералогіи, значительная часть физики, химіи, астрономіи, физиологіи, антропологіи. Даже въ такихъ наукахъ, какъ физика и химія, главная масса фактовъ и законовъ дана просто наблюденіемъ и опытомъ, посредствомъ органовъ чувствъ, иногда утонченныхъ различными аппаратами. И только тамъ, гдѣ никакое наблюденіе, даже съ утонченными орудіями, невозможно, тамъ являются гипотезы атомовъ матеріи, атомовъ эфира и т. п. Чѣмъ сильнѣе стремленіе проникнуть въ сущность устройства матеріи, тѣмъ больше пользуются тѣми абстракціями и построениями изъ нихъ, которыя мы перечислили. Поэтому-же и математика и нѣкоторые отдѣлы механики, имѣя дѣло съ тѣми-же абстракціями или гипотезами изъ нихъ, особенно являются пригодными для всѣхъ такихъ гипотезъ и въ то же время кажутся особенно проникающими въ самую сущность явленій. Почему-же это такъ кажется? На это есть двѣ причины. Во первыхъ, какъ мы сказали, эти абстракціи или отвлеченія, дѣйствительно, берутъ самые объективные элементы нашего субъективнаго опыта. Они, дѣйствительно, пытаются ихъ очистить отъ всего человѣческаго, чувственнаго, субъективнаго. Этимъ путемъ они, повидимому, достигаютъ дѣйствительнаго, настоящаго приближенія къ сущности явленій, къ вещи въ себѣ, лежащей за явленіями. Ибо что такое вещь въ себѣ?—это то знаніе наше, которое всего болѣе очищено отъ нашихъ субъективныхъ примѣсей, т. е. даетъ намъ предметъ не въ томъ видѣ, какъ онъ намъ является, а въ томъ, какъ онъ долженъ быть, помимо нашего познанія, самъ по себѣ. Наука въ своихъ гипотезахъ, построенныхъ на абстракціяхъ отъ осязательнаго содержанія нашего чувственнаго опыта, повидимому, дѣйствительно овладѣваетъ сущностью вещей, проникаетъ въ самую «вещь въ себѣ», и вотъ почему матеріализмъ

полагаетъ, что, кромѣ той матеріи и ея свойствъ, какія открываетъ наука, нѣтъ и не можетъ быть никакой иной сущности.

Установимъ теперь окончательно — насколько въ этомъ правды и насколько тутъ скрывается ошибочное забываніе нѣкоторыхъ стороць дѣйствительнаго факта. Правда здѣсь вотъ въ чемъ: такъ какъ эти гипотезы основаны на отвлеченіяхъ отъ дѣйствительнаго объективнаго опыта, т. е. отъ того, что въ нашихъ ощущеніяхъ дѣйствительно всего болѣе соотвѣтствуетъ объекту, то всѣ логически — правильные выводы изъ этихъ абстракцій должны существенно совпадать съ дѣйствительностью и даже предсказывать ее, что мы и видимъ въ математикѣ, астрономіи, физикѣ и теперь даже въ химіи, гдѣ нѣкоторыя гипотезы повели, напр., къ періодической системѣ, т. е. къ открытію, не открытыхъ еще въ опытѣ, новыхъ химическихъ элементовъ. Гипотеза атомовъ еще ранѣе сдѣлала важныя услуги, о которыхъ не будемъ здѣсь распространяться. Тѣ же услуги оказали эти гипотезы и въ физиологіи, и даже въ психофизиологіи и, наконецъ, въ біологіи. Такимъ образомъ, это совпаденіе и эти предсказанія еще болѣе усилили увѣренность, что въ физико-механическомъ понятіи матеріи мы имѣемъ дѣло съ дѣйствительной сущностью вещей.

Всѣ эти абстракціи и выводы изъ нихъ не могли не совпадать, не могли не предсказывать массы явленій. Если бы, какъ я говорилъ въ предыдущей главѣ, они охватили всѣ объективныя явленія безъ остатка, въ этомъ не было бы ничего удивительнаго, ибо правильные выводы изъ дѣйствительно объективныхъ абстракцій должны совпадать съ объективными явленіями. Но ошибка была въ томъ, что эти абстракціи и выводы изъ нихъ представлялись самою сущностью явленій, т. е. ошибка была въ томъ, что созданное изъ нихъ представленіе матеріи показалось дѣйствительно существующимъ объективно. Между тѣмъ, какъ все эта система кинетическихъ понятій образовалась исключительно изъ однихъ осязательныхъ ощущеній въ широкомъ смыслѣ (см. выше); т. е. изъ одного единственнаго отношенія внѣшняго міра къ намъ, а именно изъ прикосновенія. Такимъ образомъ, всю эту гипотетическую часть науки, со всѣми ея гипотетическими представленіями, можно поистинѣ назвать высочайшимъ развитіемъ осязанія или безконечно усовершенствованнымъ тактильнымъ чувствомъ, и только. Что такое высочайшее развитіе осязанія должно быть нѣкоторымъ

воспроизведеніемъ дѣйствительности, а именно одной стороны ея, способной вліять на насъ прикосновеніемъ, это очевидно. Въ самомъ дѣлѣ, подобно тому, какъ математика, имѣя дѣло съ пространствомъ и величиной, т. е. съ чистыми абстракціями, можетъ изъ нихъ строить цѣлый абстрактный міръ и останется вѣрна дѣйствительности, но только въ области пространства и величины, которыя, однако, остаются только однимъ элементомъ цѣлаго процесса; или, какъ слѣпорожденный, помощью осязательнаго чувства, довольно хорошо познаетъ ви́шній міръ, но это познаніе остается одностороннимъ и даетъ возможность предсказанія о мірѣ только въ предѣлахъ осязаемыхъ процессовъ; такъ и матеріалистическое и механическое міровоззрѣніе не можетъ выйти изъ тѣхъ абстракцій, которыя были сперва отвлечены изъ нашихъ ощущеній и потомъ легли въ основу всѣхъ гипотезъ и выводовъ. Т. е. мы можемъ научнымъ путемъ вычислить и предсказать все, что не выходитъ изъ предѣловъ осязательнаго ощущенія, какъ-то: движенія, сопротивленія, скорости, напряженія и т. п. Но въ томъ-то и дѣло, что это лишь ничтожный элементъ въ мірѣ, хотя и входящій почти во всѣ объективно воспринимаемые міровые процессы, какъ въ нихъ входитъ понятіе величины, пространства и т. д.

Я еще разъ повторю, что не слѣдуетъ смѣшивать всѣхъ научныхъ гипотезъ въ одну кучу: есть гипотезы, основанныя на чистомъ наблюденіи и опытѣ, т. е. опредѣляемыя индуктивно, и, наоборотъ, есть гипотезы дедуктивныя, выведенныя изъ абстракцій, которыя я отнесъ къ типу осязательныхъ или тактильных, наконецъ, есть гипотезы смѣшанныя. Къ гипотезамъ перваго рода, или индуктивнымъ, мы можемъ отнести напримѣръ, теорію развитія или эволюціонную теорію въ томъ видѣ, какъ она явилась у Ламарка, Дарвина, Геккеля; она есть результатъ наблюденія надъ явленіями, иногда дедукція изъ опытныхъ выводовъ, но не дедукція изъ абстракціи осязательнаго ощущенія. Гипотеза происхожденія солнечной системы изъ туманности, въ томъ видѣ, какъ она дана Лапласомъ, гипотезы тяготѣнія и свѣтовыхъ волнъ, въ томъ видѣ, какъ онѣ были даны Ньютономъ, хотя и были основаны математически, но вытекали изъ наблюденій. Дальнѣйшее развитіе теоріи свѣтовыхъ волненій съ допущеніемъ эфирныхъ атомовъ, а также стремленіе нѣкоторыхъ теоретиковъ объяснить самое тяготѣніе ударами атомовъ, есть уже стрем-

леніе добратся до сущности явленій съ чисто объективной стороны, т. е. путемъ дедукцій отъ абстракцій ощущеній осязательнаго типа.

И вотъ почему въ самой наукѣ мы находимъ области и даже гипотезы, не настраивающія насъ мрачно, а, наоборотъ, жизнерадостныя, полныя жизненныхъ красокъ, цвѣтовъ, полныя такихъ чисто субъективныхъ элементовъ, какъ прогрессъ, развитіе, жизнь, воля и т. д., и т. д. Все это разрушается, когда такая индуктивная гипотеза далѣе развивается въ дедуктивное построеніе, основанное на осязательныхъ абстракціяхъ. Гипотеза часто несомнѣнно выигрываетъ отъ этого въ научномъ отношеніи, приобретаетъ значительную точность, математическую явность и простоту, способную дѣлать предсказанія явленій, но уже для философіи жизни (этики) она не годится; отъ жизни въ ней остается только скелетъ осязательныхъ элементовъ процесса, а не цѣльность всего процесса даже въ томъ видѣ, въ какомъ онъ постижимъ для насъ непосредственнымъ опытомъ органовъ чувствъ (не включая даже внутренняго самонаблюденія). Для жизненной философіи такой скелетъ не можетъ замѣнить цѣлаго, не даетъ истиннаго понятія о цѣломъ, совершенно такъ же, какъ насъ не удовлетворилъ бы человекъ слѣпорожденный и глухой отъ рожденія, если бы описывалъ намъ міръ по однимъ своимъ осязательнымъ ощущеніямъ. Мы узнали бы о мірѣ нѣчто подобное тому, что мы узнаемъ изъ матеріалистическихъ гипотезъ о мірѣ, картину которыхъ мы дали въ нашемъ предисловіи. Мы узнали бы, что міръ состоитъ изъ массъ, безъ свѣта и звуковъ, находящихся въ постоянныхъ движеніяхъ. Слепецъ далъ бы намъ и свои объясненія всего этого; но все они не выходили бы изъ предѣловъ осязательныхъ ощущеній, напр., ему рисовались бы атомы, или частицы, ихъ взаимныя движенія, столкновенія группъ. Сравнивая въ этомъ случаѣ нѣкоторыя (не все) научныя гипотезы съ гипотезами слѣпорожденнаго и глухонѣмого, я не хочу этимъ унижить науку: напротивъ, я уже сказалъ, что эти гипотезы наиболѣе точны въ объективномъ отношеніи, въ предѣлахъ тѣхъ сторонъ процессовъ міра, которыя они охватываютъ. Наиболѣе точны онѣ потому, что изъ всей суммы ощущеній нашихъ, отвлекли (абстрагировали) наиболѣе объективныя, т. е. осязательныя впечатлѣнія. Я хочу сказать только, что, хотя эти элементы крайне точны, потому что дѣйствительно объективны, и дѣйствительно вхо-

дять, быть можетъ, во всё процессы міровой сущности, но, служа великую службу наукъ и ея предвидѣнію, они тѣмъ не менѣе, не даютъ понятія о цѣломъ мірѣ, и если ихъ по ошибкѣ считаютъ сущностью міра, то этимъ путемъ строится мрачный мертвый міръ, міръ глухонѣмыхъ и слѣпорожденныхъ. Не наука строить такой міръ. Наука, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, знаетъ, что она изъ этихъ гипотезъ строитъ только механическій скелетъ міра, нужный для ея выводовъ. Но матеріализмъ, считающій эти осязательныя абстракціи сущностью міра, кладущій ихъ въ основу всей философіи,—вотъ кто дѣлаетъ ошибку. Тотъ фактъ, что эти абстракціи могутъ считаться наиболѣе объективными изъ всѣхъ нашихъ ощущеній, не дѣлаетъ ихъ способными говорить намъ о цѣломъ мірѣ, какъ онъ есть самъ въ себѣ. Наблюденія слѣпорожденнаго могутъ быть крайне точны въ объективномъ отношеніи, такъ какъ осязаніе менѣе другихъ чувствъ способно къ субъективнымъ иллюзіямъ, но, тѣмъ не менѣе, слѣпорожденный имѣетъ понятіе лишь объ одной сторонѣ міра. Если бы онъ прибылъ къ намъ изъ неизвѣстной страны и описывалъ тамошнюю природу и людей, мы каждое его показаніе, основанное на одномъ осязаніи, должны были бы дополнять воображеніемъ, т. е. на скелетѣ описываемыхъ имъ явленій должны бы были воображать ту жизнь цвѣтовъ, красокъ, звуковъ, выраженій душевныхъ движеній, красоты и поэзіи, каковую мы знаемъ, благодаря нашимъ болѣе сложнымъ, болѣе богатымъ воспріятіямъ міра внѣшняго и міра внутренняго, наблюдаемаго въ себѣ самихъ. Все это исчезаетъ, едва мы строимъ міръ изъ однѣхъ осязательныхъ абстракцій. И, между прочимъ, прежде всего исчезаетъ вся психическая, субъективная сторона явленій, вся область чувствованій, эмоцій, желаній, красоты, поэзіи, вѣры и надеждъ, ибо они не осязаемы, а непосредственно чувствуются, т. е. мы знаемъ ихъ изъ непосредственнаго наблюденія, а не путемъ внѣшнихъ органовъ чувствъ или ощущеній осязательнаго типа. Едва всю эту область жизни, самую важную и интересную для насъ, для которой собственно мы и живемъ, и которая для насъ составляетъ прелесть и суть жизни, мы стараемся вообразить въ формѣ атомовъ, ихъ движеній, мы этимъ уничтожаемъ ее, передѣлываемъ ее въ осязательные образы, т. е. абстракціи, символы узкаго осязательнаго опыта, и вся поэзія, вся прелесть, весь смыслъ жизни, какъ жизни, какъ непо-

средственного ощущенія и чувства, исчезаетъ. Мы сами себя, мгновенно, обращаемъ въ существа, обладающія только однимъ свойствомъ—способностью осязать. Мы отнимаемъ у себя всё другіе источники познанія, кромѣ осязанія, всё другія знанія о мірѣ, кромѣ осязательныхъ, и прежде всего уничтожаемъ въ себѣ самую богатую и важную область наблюденія—нашъ субъективный міръ. А между тѣмъ въ немъ-то, какъ уже доказано выше, мы прямо познаемъ свойства и способности нашей сущности!

Насколько велика должна быть эта потеря, мы поймемъ еще болѣе, если припомнимъ, что наука-же доказываетъ намъ въ физикѣ, химіи, физиологіи, что наша сущность, если не тождественна, то однородна во многомъ съ сущностью объективнаго міра, слѣдовательно, отказываясь, въ материалистическихъ гипотезахъ, отъ первенствующаго значенія внутренняго субъективнаго опыта, мы теряемъ источникъ дѣлаго сокровища философскихъ гипотезъ о свойствахъ и способностяхъ объективнаго міра, однороднаго съ нами по сущности. Эти-то субъективныя гипотезы, разумѣется, если онѣ точно провѣрены научной критикой, способны окрасить міръ вновь въ чудныя живыя краски идеала, полныя красоты, поэзіи, надеждъ и вѣры въ высочайшее внутреннее совершенство и величайшее внутреннее благо.

УШ.

Первые основные выводы.

Когда благодаря наукѣ мы узнаемъ, что наша сущность однородна, хотя и не тождественна, съ сущностью внѣшняго міра, то мы въ правѣ надѣяться, какъ было объяснено въ предыдущей главѣ, что наше непосредственное представленіе объективнаго міра не такъ далеко отъ дѣйствительно существующаго объективнаго міра, какъ могло казаться до сихъ поръ и какъ мы пока признавали условно. Въ самомъ дѣлѣ, если наша сущность и сущность объективнаго міра однородны, то наши ощущенія, являющіяся для насъ проявленіемъ взаимнаго воздѣйствія этихъ однородныхъ сущностей, могутъ, дѣйствительно, быть не только символами объекта, но и его копіями, хотя и не точными. Несовершенство органовъ чувствъ, а также недостатокъ числа тѣхъ ощущеній, которыя вложены въ насъ въ видѣ потенцій въ очень

ограниченномъ количествѣ, являются источникомъ неточности. Такъ, напр., наука открыла существованіе ультрафіолетовыхъ лучей, для которыхъ въ насъ не заложено никакихъ соотвѣтственныхъ потенцій ощущенія и мы ихъ поэтому не ощущаемъ. Такъ, опыты Спаланцани съ летучей мышью, у которой выкололи глаза, и которая, будучи пущена среди массы натянутыхъ проволокъ, не задѣвала за нихъ,—показываютъ, что у нея есть какое-то чувство, котораго нѣтъ у насъ и т. д. Есть, вѣроятно, и еще цѣлая масса объективныхъ процессовъ, которые мы не воспринимаемъ вовсе или воспринимаемъ такъ слабо, что и не знаемъ до сихъ поръ этого источника познанія, какъ это, напр., случилось съ гипнотическимъ внушеніемъ черезъ пространство. Если наука (химія) права, и сущность объективнаго міра болѣе или менѣе однородна съ нашей сущностью, то, стало быть, и ощущенія, которыми мы способны реагировать на воздѣйствія внѣшней сущности, не могутъ сильно удаляться отъ дѣйствительнаго представленія внѣшнихъ процессовъ. Почему? Потому что наши ощущенія суть, какъ мы уже сказали, способности нашей сущности, а эта сущность однородна съ сущностью объективнаго міра. Если научныя теоріи говорятъ обратное, если онѣ увѣряютъ, что свѣтъ объективный нисколько не похожъ на субъективный, ибо есть колебаніе частицъ эфира, а звукъ объективный—колебанія частицъ воздуха, которыя въ свою очередь есть куча атомовъ, то мы уже знаемъ теперь, что это только осязательное, служенное представленіе свѣта, и какъ осязательное, оно вѣрно и даетъ богатые выводы. Но оно все не соотвѣтствуетъ цѣльной реальности объективнаго свѣта, который долженъ быть въ своемъ цѣломъ гораздо ближе къ нашему непосредственному ощущенію свѣта; наше непосредственное ощущеніе полнѣе, чѣмъ научное отвлеченіе отъ него однихъ осязательныхъ элементовъ. И это не только вѣроятно, но это должно быть такъ именно, ибо осязательная абстракція или отвлеченіе есть часть не всего объективнаго факта свѣта, а только часть нашего субъективнаго ощущенія; а часть не можетъ быть больше цѣлаго, хотя наше непосредственное ощущеніе въ свою очередь, быть можетъ, также есть только часть объективнаго свѣта, но оно все же полнѣе осязательной абстракціи. Если бы эта абстракція была сдѣлана отъ цѣлага объективнаго факта свѣта, который намъ не извѣстенъ,—это еще могло бы быть спорнымъ. Итакъ: наше

зрительное ощущеніе ближе къ объективному факту, чѣмъ его часть, т. е. чѣмъ абстракція отъ него. Тоже съ звуками, теплотой и другими ощущеніями. Итакъ, непосредственное и наивное представленіе міра ближе передаетъ его образъ, чѣмъ матеріалистически—механическое представленіе.

Отсюда слѣдуетъ 2-й выводъ: тѣ данныя и факты науки, которые даны наблюденіемъ и опытомъ, хотя-бы и при помощи утонченныхъ инструментовъ, должно различать отъ гипотезъ, построенныхъ изъ осязательныхъ абстракцій. Такъ, напр., тотъ фактъ, что кровь состоитъ изъ пасоки и кровяныхъ шариковъ, что капля воды подъ микроскопомъ представляется иной, чѣмъ мы ее видимъ простымъ глазомъ, всѣ такіе факты не слѣдуетъ считать однородными съ тѣми гипотезами изъ чисто осязательныхъ абстракцій, о которыхъ мы говорили. Напротивъ, всѣ такіе факты, какъ результатъ наблюденія точнаго, усовершенствованнаго орудія, утончающими воспріятія органовъ чувствъ, еще ближе подходятъ къ настоящему устройству міра, а стало быть къ его истинному представленію не только, чѣмъ міръ абстракцій, но даже и чѣмъ міръ представленія непосредственнаго опыта. Пояснимъ сравненіемъ: лѣсъ разсматриваемый издали съ воздушнаго шара, сливается въ одну безразличную синюю полосу точекъ; разсматриваемый нѣсколько ближе, онъ становится уже отдѣльными деревьями, наконецъ, лѣсъ, разсматриваемый близко, оказывается полнымъ листьевъ, цвѣтовъ, соловьевъ. Всѣ три образа соотвѣтствуютъ дѣйствительности, но во второмъ случаѣ ближе, чѣмъ въ первомъ, въ третьемъ еще ближе. Однако и въ первомъ случаѣ, гдѣ лѣсъ казался полосой, состоящей изъ точекъ, соотвѣтствіе было, напр., въ смыслѣ пространства занимаемаго этой полосой сравнительно съ полями, или же въ смыслѣ его границъ, и т. п.

Такимъ образомъ оказывается, что и въ самой наукѣ возможны два представленія міра, а не одно, какъ мы говорили для краткости въ первой статьѣ (введеніи). Если въ наукѣ взять то представленіе міра, которое дается только гипотезами изъ осязательной абстракціи,—то въ ней будетъ соотвѣтствіе съ дѣйствительнымъ міромъ, но только подобное тому, какое представляетъ намъ картина лѣса или города съ огромной высоты, гдѣ они кажутся кучей однородныхъ точекъ. Если затѣмъ, отбросивъ это представленіе, оставить то, которое дано наблюденіемъ и опытомъ, расширившимъ органы

чувствъ, то это представленіе можетъ служить непосредственно для жизни и ея философіи.

Такимъ образомъ, только тѣ части и элементы науки, которыя построены какъ гипотезы изъ осязательныхъ абстракцій, совершенно негодны для того, чтобы быть взятыми для представленія картины настоящаго міра, т. е. прямо взятые цѣлыми, они должны давать самое ошибочное представленіе о сущности міра, и даже подмѣшенные къ иному представленію міра, они унижаютъ его истинный образъ. Но косвенно, помогая наукѣ, они оказываютъ огромную услугу жизни. Кромѣ того, косвенно же они могутъ оказать огромную услугу истинной философіи, если помнить, что они даютъ только скелетъ міра, но скелетъ точный, и если этотъ скелетъ не принимать за самый міръ, за его жизнь, за его организмъ, а пользуясь этимъ скелетомъ, строить научно самый организмъ, какъ дѣлаютъ натуралисты, возстановляя по найденному скелету, неизвѣстный организмъ, даже его нравы, обычаи, характеръ. Вотъ для чего и панфилософіи можетъ пригодиться этотъ міръ—скелетъ современнаго матеріализма и механическаго міровоззрѣнія.

Въ заключеніе мы не можемъ удержаться, чтобы не нарисовать хотя вкратцѣ, того представленія, которое возникаетъ съ этой точки зрѣнія на нашу собственную человѣческую сущность, не касаясь пока сущности объективнаго міра.

Прежде всего логически неизбѣжно изъ всего предыдущаго, что всѣ чисто-матеріалистическія представленія о нервныхъ токахъ, о вибраціяхъ молекулъ мозга и т. д. относятся прямо къ области гипотезъ изъ осязательныхъ абстракцій. А слѣдовательно, даютъ только скелетъ тѣхъ процессовъ, которые дѣйствительно совершаются въ насъ. Стало быть, представленіе о насъ самихъ, съ объективной стороны, должно быть совершенно очищено отъ всѣхъ этихъ элементовъ (не въ наукѣ, конечно, гдѣ оно необходимо, а въ истинной философіи). Нѣсколько ближе къ истинѣ будетъ представленіе, чуждое всѣхъ этихъ гипотезъ, основанное на простомъ, хотя и утонченномъ наблюденіи (анатоміи, гистологіи, наблюдательной физиологіи), стало быть, напр., токи нервные могутъ остаться, но безъ матеріалистическихъ представленій о сущности ихъ,—какъ о вибраціяхъ атомовъ или частицъ: ибо сами токи есть продуктъ наблюденія, а атомное объясненіе ихъ есть продуктъ гипотезы, построенной на осязательной абстракціи, которая терпима только въ предѣлахъ науки, но не жизни и философіи. Тутъ токи являются лишь проявленіями

невѣдомой сущности и только. Но и тутъ мы должны быть осторожны и помнить двѣ вещи: во-1-хъ, что, при научныхъ наблюденіяхъ этого рода мы имѣеть дѣло чаще всего уже съ мертвой тканью, т. е. съ находящейся совершенно въ другомъ состояніи, чѣмъ живая ткань. Нервъ живой и нервъ мертвый такъже различны, какъ трупъ и живой человѣкъ. Во 2-хъ, какъ ни глубоко проникаетъ наука въ устройство тканей, она ихъ видитъ только извнѣ, видитъ все же только ихъ внѣшнюю форму, зрительную. А зрительныя ощущенія, какъ и всѣ ощущенія по существу своему только осязательныя ощущенія. Правда, это уже не только абстракціи отъ нихъ, какъ въ матеріалистической гипотезѣ, — это болѣе цѣльное осязаніе, расширенное, но все же только осязаніе. У насъ есть другое, чувство, не осязательнаго типа, это — самочувствіе, самонаблюденіе, гдѣ непосредственно ощущаются способности организма, а, стало быть, и его тканей, а, значить, и сущности, являющейся намъ въ нихъ. Съ точки зрѣнія этого болѣе точнаго внутренняго опыта, нервный токъ, напр., явится намъ просто прихической передачей впечатлѣнія отъ клѣтки къ клѣткѣ, отъ одного элемента нерва или мозга къ другому, подобно тому, какъ такая передача совершается въ обществѣ отъ человѣка къ человѣку (Гардь). Итакъ, матеріалистическое представленіе о человѣкѣ и его сущности должно быть совершенно реформировано, должно исчезнуть изъ панфилофій, какъ наивное, ошибочное, столь же ошибочное, какъ кажущееся вращеніе солнца около земли. И наоборотъ, съ удвоеннымъ довѣріемъ мы должны относиться къ плодамъ внутренняго самонаблюденія, дающаго намъ возможность непосредственно узнавать способности и свойства нашей сущности. Объективное же, наивное представленіе о матеріальномъ человѣкѣ остается только для практическихъ цѣлей, какъ для практическихъ цѣлей остается представленіе о вращеніи солнца около земли, о его восходѣ, закатѣ, ибо его едва-ли когда-нибудь можно будетъ совершенно изгнать изъ человѣческаго языка и представленія. Но, принявъ это, мы должны реформировать и наше представленіе о мірѣ объективномъ, если сущность его однородна съ нашей собственной; но объ этомъ въ другой разъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Мы выпускаемъ эту попытку нашу построить основы пан-философіи, не ожидая, когда закончится вся наша работа, по двумъ причинамъ: во 1-хъ, весь трудъ требуетъ огромнаго количества времени для того яснаго и нагляднаго изложенія, въ какомъ мы его хотѣли бы выпустить; мы думаемъ, что панфилософія должна быть построена не для однихъ философовъ, а для тѣхъ массъ современной полузнающей интеллигенціи, которая совершенно потерялась среди груды разнорѣчивыхъ взаимно-отрицающихъ другъ друга теорій и, утративъ еще ранѣе, чаще всего по слухамъ, традиціонныя воззрѣнія, очутилась въ совершенной темнотѣ, безъ всякаго этическаго маяка, безъ всякихъ высшихъ, прочно обоснованныхъ идеаловъ, а это бросаетъ ее или въ область отчаянія (пессимизма), или въ безпробудный житейскій разгуль (хоть часть да мой). Панфилософія, если ей удастся достигнуть своей цѣли, должна показать этой массѣ, по меньшей мѣрѣ, что далеко не всѣ надежды на разумно-нравственный порядокъ міра и жизни потеряны, — что вовсе не доказано, какъ думаетъ эта масса, вслѣдъ за матеріализмомъ, что высочайшіе идеалы человечества — суть только созданія человеческой фантазіи, не имѣющія опоры въ міровой сущности и т. д., и т. д. Я говорю, что по меньшей мѣрѣ, это будетъ дано панфилософіей. И говорю я это не изъ одной боязни, что не успѣю выполнить своей задачи или не съумѣю ее выполнить, — хотя она для меня давно совершенно ясна не только въ общемъ, но и въ деталяхъ, — а говорю я это потому, что знаю, какія могутъ встрѣтиться затрудненія для появленія системы, затрудненія, лежащія не во мнѣ только, но и во внѣшней средѣ. Изъ этихъ внѣшнихъ затрудненій, я болѣе всего боюсь, ко-

печно, непониманія и недоразумѣній со стороны читателя, что заставляетъ меня до крайней степени популяризировать изложеніе, какъ видно изъ этого перваго этюда. Но такое популяризованіе имѣетъ и огромныя неудобства: дѣлая вопросъ понятнымъ большому числу людей, оно затрудняетъ изложеніе, увеличиваетъ объемъ труда, но и это не главное: оно, въ свою очередь, можетъ обусловить не полное пониманіе. Всего этого я могъ бы избѣгнуть, прибѣгнувъ къ языку специальному, болѣе точному. Но за то я и былъ бы понятенъ только специалистамъ. Я выбралъ первый путь, болѣе трудный; а для предупрежденія непониманія, я и выпускаю сперва этотъ первый этюдъ: критика его, если меня ею удостоятъ, покажетъ мнѣ, что именно у меня было неясно изложено и не понято читателями. Я сжился съ тѣми идеями, о которыхъ говорю, сжился цѣлыми годами и онѣ мнѣ просты и ясны, какъ дважды два четыре. Но, по крайней мѣрѣ, для большинства читателей я говорю объ области вопросовъ имъ совершенно чуждыхъ и неизвѣстныхъ. Вотъ почему я прошу о критикѣ, прошу всякаго читателя, каждый можетъ, если не хочетъ возражать печатно, писать въ редакцію «Русскаго Богатства», и всякое указаніе будетъ мною принято, какъ при дальнѣйшемъ изложеніи, такъ и въ случаѣ другого изданія этого перваго этюда.

Пока же, я постараюсь впередъ отвѣтить лишь на тѣ возраженія, которыя въ состояніи отчасти предвидѣть теперь. Главное изъ нихъ слѣдующее: когда я начинаю свое изложеніе, я доказываю совершенное различіе міра, какъ онъ есть въ себѣ, отъ міра нашего непосредственнаго представленія; а затѣмъ я нахожу, что именно міръ, нашего непосредственнаго представленія и представляетъ наибольшее сходство съ міромъ, какъ онъ есть въ себѣ, и еще большее сходство имѣетъ міръ научный, но не тотъ научный міръ, который построенъ изъ гипотезъ частичнаго или атомнаго движенія, или примыкаетъ къ нимъ, а тотъ, который есть прямой выводъ изъ наблюденія и опыта непосредственнаго, или утонченнаго научными орудіями, надъ цѣльными явленіями.

Я впередъ могу предвидѣть слѣдующія возраженія: во 1-хъ я недостаточно разграничилъ два этихъ рода научныхъ теорій и гипотезъ, и читатель самъ далеко не всегда будетъ въ состояніи разобраться въ этомъ, не зная того, какія изъ теорій и гипотезъ науки образовались однимъ путемъ, и ка-

кія другимъ. Наконецъ, еще большую запутанность представляютъ гипотезы смѣшанныя.

Я совершенно согласенъ съ этимъ замѣчаніемъ, но думаю, что мнѣ нельзя было избѣжать этого недостатка въ первомъ этюдѣ. Чтобы избѣжать его, я долженъ бы былъ теперь же представить подробную критику всѣхъ важнѣйшихъ научныхъ теорій и гипотезъ, строго отдѣливъ въ нихъ все, что дано наблюденіемъ и опытомъ и что дано осязательной абстракціей. Но и это не все: осязательныя абстракціи (т. е. механическую теорію и выводы изъ нея) я признаю законными и не только въ наукѣ, но и въ панфилофіи, если мы не будемъ забывать, пользуясь ими, что это только абстрактный скелетъ процесса, а не сущность его, что это только абстракція отъ нашихъ же ощущеній, получаемыхъ отъ проявленій его. Стало бытъ, въ критикѣ научныхъ теорій и гипотезъ, я долженъ не только отдѣлить скелетъ отъ мяса, но часто и оставить скелетъ въ мясѣ, указавъ только, что это — скелетъ, если этого не указываетъ самая теорія или гипотеза ясно и наглядно. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, и этого мнѣ не нужно дѣлать.

Другое возраженіе, котораго я ожидаю, можетъ состоятъ въ томъ, что о близости къ настоящему міру міра опыта и наблюденія я прихожу въ концѣ на томъ основаніи, что физика и химія говорятъ намъ, если не о тождествѣ, то о значительной однородности сущности міра и нашей сущности, (являющихся для науки — какъ вещество неорганическое и органическое). Мнѣ могутъ сказать, во 1-хъ, что я же самъ отвергъ науку для панфилофіи, а теперь опираюсь на нее, во 2-хъ, физика и химія говорятъ объ однородности человѣка и міра въ смыслѣ вещества, а вещество есть только проявленіе сущности, представленіе о ней (явленіе), между тѣмъ, я изъ единства этого представленія (въ химіи и физикѣ), заключаю о единствѣ сущности, которая, по моимъ же словамъ, не подобна явленію.

На это я возражу, что я не только не отрицаю науки для панфилофіи, но прямо говорю (въ примѣрѣ, гдѣ излагаю возможность по звукамъ арфы судить о характерѣ артиста), что по даннымъ науки мы можемъ судить не только о движеніяхъ и прикосновеніяхъ міра, но и о характерѣ того «нѣчто», что движется и прикасается. Во-вторыхъ, я уже раздѣлилъ въ наукѣ теоріи, вынесенныя изъ опыта и наблюденія, отъ

теорій, выведенныхъ изъ абстракціи: химическое-же ученіе о единствѣ вещества и силъ опирается на факты опыта и наблюденія, которые я признаю, какъ весьма близкіе къ характеру сущности, изъ которыхъ, такимъ образомъ, мы (все-же какъ изъ проявленій только) можемъ, до извѣстной степени, законно заключить слѣдующее: если проявленія болѣе или менѣе одинаковы, то проявляющаяся сущность, съ наибольшей вѣроятностью, должна быть признана болѣе или менѣе подобной. Но и самая химія говоритъ, что даже въ этихъ матеріальныхъ проявленіяхъ, напр. вещества органическаго и неорганическаго, мы имѣемъ не тождественность вещества, а только однородность, ибо вещество въ одномъ случаѣ болѣе сложно, чѣмъ въ другомъ, иногда-же его болѣе сложныя проявленія нельзя даже объяснить одною сложностью. Напр. вспомнимъ взглядъ профессора Бунге на необходимость допущенія когда-то отвергнутой, особой жизненной силы для объясненія органическихъ явленій. Я вовсе не беру здѣсь безусловно взглядъ Бунге, ибо для меня и этотъ взглядъ есть блужданіе въ потьмахъ. Для меня важна въ этомъ дѣлѣ нарастающая сложность проявленій, за которыми я въ правѣ предполагать съ моей точки зрѣнія только возрастающую сложность дѣятельности общей субстанціи, скрывающейся за этимъ. О ея же общности, повторяю, я имѣю право заключать изъ проявленій этой общности, хотя бы выраженной, напр., въ таблицахъ Менделѣева или въ любомъ анализѣ органическаго вещества. Одною я не могу допустить, на изложенныхъ выше основаніяхъ, это того, что эта сущность есть мертвые атомы и ихъ движенія. Вотъ это-то и есть абстракція отъ осязательнаго чувства, нужная наукѣ для ея цѣлей, а для меня и для панфилософіи это — лишь абстрактный скелетъ невѣдомыхъ намъ по существу отношеній этой сущности, отношеній, которыя мы восприняли въ формѣ прикосновеній и абстрагировали, какъ движенія, толчки и т. п. На самомъ дѣлѣ, въ сущности ничего этого можетъ и не быть, и то, что намъ чувствовалось какъ прикосновеніе и толчокъ, можетъ быть, напр., явленіемъ чисто психическаго воздѣйствія, вообще такого, которое нами представлено быть не можетъ по существу, но почувствовалось нами, какъ толчокъ, какъ прикосновеніе.

Наконецъ, третье возраженіе можетъ состоять въ томъ, что я, допустивъ однородность сущности въ насъ и во внѣш-

немъ міръ, тѣмъ самымъ признаю и то, что наши ощущенія и представленія о мірѣ внѣшнемъ не должны быть далеки отъ истиннаго образа внѣшняго міра, а потому мнѣ уже и не слѣдуетъ говорить о какой-то еще сущности или «вещи въ себѣ», скрывающейся за явленіями. Сущность и явленіе стало быть сливаются. Только матеріалистическое представленіе объ этой сущности, какъ внѣшняго міра, такъ и чело-вѣка, должно быть оставлено, какъ нужное только для науки и не допустимое въ панфилофії, потому что только оно есть абстракція отъ ощущеній тактильных и потому не соот-вѣтствуетъ полнотѣ дѣйствительнаго факта (субстанціи). Все же, что дается наблюденіемъ и опытомъ, а тѣмъ болѣе утонченнымъ и научнымъ, открываетъ намъ нѣдра самой сущности, или «вещи въ себѣ».

Но это возраженіе въ сущности не есть возраженіе мнѣ, а составляетъ до извѣстной степени именно мысль мою или весьма близкую къ моей, но только съ огромнымъ ограниченіемъ. Поясню примѣромъ и затѣмъ выведу изъ этого приблизительное общее правило: физиологія, при помощи своихъ инструментовъ, открыла нервный токъ. Но что мы о немъ знаемъ собственно изъ опыта и наблюденія? Только то, что на соотвѣствующихъ инструментахъ проявляется какая-то неизвѣстная сила или энергія. Вотъ и все. Какаѣ-же это сила? Мы до того привыкли отождествлять науку и механическую теорію въ одно неразрывное цѣлое, что для насъ при словѣ «токъ» возникаетъ и его механическое, атомно-кинетическое объясненіе. И это такъ неразрывно связано, что при словѣ токъ, сейчасъ-же встаютъ передъ глазами атомы и ихъ вибраціи, совершенно такъ же, какъ при словѣ «свѣтъ», «электричество», «теплота». Но вѣдь, это—полное заблужденіе и при томъ научное невѣжество. Электричество, свѣтъ, теплота, какъ и нервный токъ суть факты неоспоримые, но ихъ объясненіе атомами и вибраціями есть только весьма полезное объясненіе, основанное на абстракціи отъ осязательныхъ ощущеній. Зная теперь, что это объясненіе есть въ сущности великая химера, если оно принимается за сущность, зная, что у насъ есть гораздо болѣе точное представленіе о сущности нервного тока, въ нашемъ непосредственномъ внутреннемъ ощущеніи, которое, какъ уже показано, прямо говоритъ намъ о свойствахъ и способностяхъ сущности, по крайней мѣрѣ, нашей, мы должны при словѣ «токъ» отучиться ассо-

ціровать его съ механическимъ объясненіемъ. Тогда только намъ станетъ ясно, что это слово теряетъ свою устрашающую, мертвящую силу, а получаетъ въ нашихъ глазахъ живой, давно знакомый намъ образъ жизни изъ нашихъ душевныхъ состояній, которое и есть истинное дѣлѣ, его сущность. Но, скажутъ мнѣ: токи да и мертвая электрическая машина. Но опять-таки и тутъ слышится недоразумѣніе. И тутъ о токахъ мы знаемъ, какъ и въ физикѣ, только изъ проявленій невѣдомой намъ энергіи на различныхъ инструментахъ, или наконецъ, по искрамъ, зажигаемымъ въ воздухѣ, или по судорогамъ, какія въ насъ производитъ токъ и т. д. Но откуда-же понятіе чего-то мертвого (тѣмъ изъ того-же источника: мы привыкли всѣ силы объяснять атомами и ихъ vibraціями. Отъ этого и тѣ химическіе процессы между цинкомъ, углемъ и кислотами, какіе мы видимъ въ гальваническомъ элементѣ, и которые затѣмъ являются намъ въ проявленіяхъ энергіи тока, кажутся намъ истинными, механическими. Мы и тутъ объясненіе явленій сдѣланное изъ абстрактной гипотезы, дающей только скелетъ факта, смѣшиваемъ не только съ фактомъ, какъ онъ дается наблюденіемъ и опытомъ, но принимаемъ даже за самую сущность этого факта.

Особенно насъ на это толкаетъ постоянство законосообразности всѣхъ такихъ явленій: почему-то въ законосообразности явленій считаемъ достояніемъ мертвыхъ, вещественности, механичности. А почему это — непонятно. Въ себѣ самихъ и въ другихъ живыхъ (психическихъ) существахъ мы привыкли видѣть собственную волю, капризъ, т. е. движенія, измѣняющіяся сообразно потребностямъ или желаніямъ, неожиданно для насъ возникающія въ насъ или въ другихъ, т. е. когда мы не можемъ ясно сказать о причинахъ такого возникновенія желаній.

Этого нѣтъ въ нервномъ токѣ, нѣтъ электричествѣ, нѣтъ въ химизмѣ, они всегда одни и тѣ же въ одинаковыхъ условіяхъ, и они намъ кажутся мертвыми (психическими). Но, на самомъ-то дѣлѣ, какъ доказано безчисленное число разъ, и въ насъ самихъ, и въ нашихъ близи каждое стремленіе, каждое желаніе строго обусловлено только сложностью условій не позволяетъ намъ этого видѣть, все же ясно, какъ мы видимъ это въ нервномъ токѣ, въ электричествѣ, химизмѣ, тяготѣніи и т. д. Людямъ науки давно извѣстно,

какъ и матеріалистамъ, но ихъ это привело къ идеѣ совершенно обрантой той, какую слѣдовало вывести: они надумали, что, если въ насъ всѣ процессы совершаются столь же законосообразно, какъ, напр., въ электрическомъ токѣ, то и мы, стало-быть, такія же машины и нашъ психизмъ такая же сила мертвая, какъ нервный токъ или химизмъ. Въ дѣйствительности, какъ теперь долженъ видѣть и самъ читатель изъ предыдущаго изложенія, отвѣтъ долженъ быть совершенно обратный: если мы, существа живыя, мыслящія, чувствующія, т. е. обладающія психизмомъ, замѣчаемъ, что этотъ психизмъ имѣетъ много общаго съ неизвѣстной намъ нервной силой, а эта послѣдняя съ электричествомъ, гальванизмомъ, химизмомъ (извините, за это выраженіе, употребляемое для краткости и, вѣроятно, понятное, безъ объясненій), то изъ этого слѣдуетъ, что природа, окружающая насъ, далеко не такъ мертва и непсихична, какъ можетъ это казаться. Ея законосообразность и, такъ называемая, механичность не составляетъ доказательства противъ ея жизни, потому что и мы, люди, несомнѣнно чувствующіе въ себѣ и жизнь, и чувства, и цѣли, однако, строго обусловлены и подвержены причинности, какъ и все окружающее.

Но это—антропоморфизмъ? спросать у меня. Вы свойства человѣка переносите въ природу? Во 1-хъ, это дѣлаю не я, а неизбежные законы логики, опирающіеся на факты науки; укажите ошибку въ моихъ логическихъ выкладкахъ, а не старайтесь запугать и себя, и меня страшнымъ словомъ или «жупеломъ» купчихи Островскаго, а во 2-хъ, почему же кажется невѣроятнымъ антропоморфизмъ, а не казался до сихъ поръ невозможнымъ—какъ бы это назвать,—атомоморфизмъ или пожалуй, машино-морфизмъ, т. е. перенесеніе обратное атомовъ и машинообразности, придуманныхъ для природы, въ психическіе процессы человѣческой сущности, и во всѣ тѣ живыя силы и явленія, которыя живутъ несомнѣнно, неоспоримо живой, психической жизнью ощущеній, желаній, чувствъ и т. д.? Если вы рѣшили, что $A=B$, т. е., что вещество человѣка и вещество міра однородны, то почему вы вправѣ говорить, что B (человѣкъ) похожъ на A (природу), а я не вправѣ сказать наоборотъ, что A (природа) похожа на B (человѣка)? Говоря еще яснѣе: я утверждаю, что если доказано, что $A=B$, то и $B=A$. Матеріализмъ же говоритъ: $A \neq B$, но B не равно A . Нелѣпость этого очевидна. Я вижу въ источ-

никъ этого заблужденія не логику, а какое-то страстное желаніе послѣднихъ столѣтій, унизивъ природу до мертваго механизма, унижить до этого же и человѣка, вопреки очевидности и собственному опыту. Я же возстановляю только права логики, а въ то же время и нравственнаго чувства человѣческаго достоинства.

Вы видите, что примѣненіе къ человѣку теоріи механизма и атомической гипотезы—есть палка о двухъ концахъ: она, въ вашихъ рукахъ, роняетъ человѣка до выдуманной вами мертвой и бездушнoй природы, а въ моихъ—подымая человѣка, оживотворяетъ и природу. Кто изъ насъ правъ, пусть судятъ на основаніи логическихъ доводовъ, а не тѣхъ страшныхъ словъ, которыхъ привыкли пугаться только люди, не умѣющіе мыслить. Лично я не признаю въ моемъ взглядѣ антропоморфизма, по крайней мѣрѣ, того антропоморфизма, который былъ совершенно справедливо признанъ прежней философіей плодомъ первобытнаго заблужденія. Впослѣдствіи это будетъ развито вполне безспорно.

Точно также я отрицаю всякую попытку приписать моимъ взглядамъ что-либо общее съ пантеизмомъ, который я считаю полнѣйшей и величайшей нелѣпостью, уже по одному тому, что въ пантеизмѣ приходится приписывать Верховному Ноуму міра всѣ недостатки міра и человѣка, между тѣмъ какъ онъ можетъ быть только верховнымъ и абсолютнымъ идеаломъ всякихъ мыслимыхъ и даже немыслимыхъ совершенствъ ¹⁾. Но все это пока только à propos. Вернемся къ тому, для чего я началъ эти объясненія. А заговорилъ я о томъ, съ какими огромными ограниченіями я принимаю 3-е изъ предполагаемыхъ мною возраженій не за возраженіе, а за мою собственную мысль. Изъ сдѣланнаго поясненія читатель видитъ, что опытъ и наблюденія непосредственные, какъ и научные, можно принимать какъ вводящія насъ въ нѣдра самой сущности, но только съ однимъ ограниченіемъ: мы должны помнить, что, во 1-хъ. непосред-

---

¹⁾ Мнѣ даже непонятно, зачѣмъ при пантеизмѣ даже и идея Божества. Если все—Богъ, то Бога нѣтъ. Это—просто замаскированное отрицаніе или невѣжественное непониманіе самой идеи божества; одинъ изъ существенныхъ ея признаковъ есть высочайшій идеаль, который ставится намъ этой идеей. А какой же идеаль—Все, т. е. и добро и зло, и алмазь и грязь?!

ственно знаемъ только свои ощущенія; чувства и желанія и, только ихъ можемъ считать дѣйствительно свойствами или способностями нашей сущности, что, во 2-хъ, остальной міръ и себя самихъ съ объективной стороны мы знаемъ только въ формахъ ощущеній, свойствахъ этой же сущности, и это даже въ самомъ утонченномъ научномъ опытѣ; 3) что, однако, эти способности нашей сущности, какъ мы доказали ранѣе, не есть еще самая наша сущность, потому что наши чувства и ощущенія обусловлены и то являются, то исчезаютъ, сущность же исчезать не можетъ. 4), что о сходствѣ міра, какъ онъ является въ нашемъ опытномъ представленіи, съ міромъ, какъ онъ есть въ себѣ, мы въ правѣ заключать, но съ крайней осторожностью, изъ научной гипотезы объ однородности (хотя и не тождественности) міровой субстанции и нашей (обратите вниманіе въ предисловіи на то, какую безконечно малую часть міра мы знаемъ, чтобы не смѣть говорить объ этомъ вполне утвердительно); 5) но уже и то одно, что мы и въ самихъ себѣ, при внутреннемъ наблюденіи, знаемъ не самую нашу сущность, а только ея проявленія, показываетъ, что тѣмъ болѣе, мы, узнавая объ объективномъ мірѣ даже не его непосредственныя проявленія, а только его воздѣйствія на нашу душу,—не знаемъ его сущности, а только немногія проявленія этой сущности. 6) Если мы изъ однородности субстанции міра и своей собственной можемъ допустить, что и проявленія объективнаго міра, возбуждавшія наши субъективныя свойства (ощущенія), не должны особенно различаться отъ этихъ ощущеній, т. е. что міръ объективный близокъ къ нашему представленію о немъ, то дѣло идетъ тутъ не о сущности объективнаго міра, а все же только о проявленіяхъ; о сущности же мы можемъ только заключать по этимъ проявленіямъ, воздѣйствовавшимъ на насъ въ формѣ нашихъ ощущеній. Такимъ образомъ, сущность объективнаго міра мы можемъ знать еще менѣе, чѣмъ свою собственную сущность, которая, какъ уже сказано, является намъ болѣе непосредственно, т. е. въ своихъ собственныхъ свойствахъ и способностяхъ, тогда какъ сущность объективнаго міра всегда только посредственно: въ нашихъ собственныхъ свойствахъ и способностяхъ (ощущеніяхъ и т. д.).

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Истинное значение науки и позитивизма и недостаточность их как философии	3
Что такое панфилософия? Ея отличие от метафизики съ одной стороны, и от науки съ другой	15
Физиологическое доказательство «вещи въ себя» и символизма научныхъ теорій.	19
Противорѣчіе физиологическаго доказательства, какъ односто- ронняго	24
Разрѣшеніе противорѣчія.	27
Два рода явленій или феноменовъ	33
Происхожденіе матеріалистическаго объективнаго знанія	38
Двойственность науки	41
Первые основныя выводы	46
В заключеніе	51
